

Еще раз про
любовь

Ирина Мартова

ОДИНАКОВЫЕ

Литературное приложение к женским журналам

Ирина Мартова

Одинаковые

«ИМ Медиа»

2022

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6.44

Мартова И. В.

Одинаковые / И. В. Мартова — «ИМ Медиа»,
2022 — (Литературное приложение к женским журналам)

ISBN 978-5-6046465-3-3

Жизнь непредсказуема. И порой преподносит такие сюрпризы... На самом деле она просто расставляет все по своим местам. Только мы понимаем это порой слишком поздно... Спасая молодую женщину, попавшую в автоаварию, Анастасия не предполагала, что это событие полностью изменит ее жизнь. Она просто пыталась вернуть незнакомке желание жить. Но в квартире этой женщины она случайно натывается на фото... своей мамы. Вопросы, один сложнее другого, возникают перед Настей, и ответы на них таятся в прошлом ее матери. Анастасия горит желанием выяснить правду, даже если ей придется пройти серьезные испытания...

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6.44

ISBN 978-5-6046465-3-3

© Мартова И. В., 2022
© ИМ Медиа, 2022

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	9
Глава 3	13
Глава 4	17
Глава 5	21
Глава 6	25
Глава 7	28
Глава 8	34
Глава 9	38
Глава 10	44
Глава 11	50
Глава 12	54
Глава 13	59
Глава 14	65
Конец ознакомительного фрагмента.	67

Ирина Мартова

Одинаковые

© Мартова И. В., 2022

© ООО «ИМ МЕДИА», 2022

* * *

Памяти моих родителей...

«Правда необычнее вымысла, потому что вымысел всегда должен держаться в рамках правдоподобия, а правда – нет...»

Марк Твен

* * *

Вернувшись с кладбища, Настя, пошатываясь, прошла за дом, упала в высокую траву, обняла теплую июньскую землю и зарыдала отчаянно и безысходно. Тоскливые вопли и стоны, рвущие душу, наотмашь били по сердцу, сжимали горло и отнимали дыхание... Она выла по-бабьи жалобно, горько и скорбно, трясла головой, глухо и протяжно причитала.

Вдруг затихла... Долго и безмолвно лежала. Потом поднялась, оправила черное похоронное платье и побрела в пустой дом. Жить дальше...

Глава 1

Солнце поднималось над огромным селом медленно и лениво. Сначала чуть коснулось линии горизонта, раскрасило узкую полоску у самой земли, блеснуло бледно-розовым, нежным, робким лучом по кромке дальнего леса... Потом, усмехнувшись, смело бросило горсть ярких бликов на тихую заводь реки, рассыпало по ней золото вперемешку с серебром, пронизало огненными вспышками и, наконец, по-хозяйски выплыло на июньский небосклон, сразу заиграв миллионами солнечных зайчиков, отразившихся в окнах разноцветных деревенских домов.

Настя, зажмурившись, уткнулась носом в подушку, пытаясь спрятаться от горячего луча назойливого солнца. Но он, настырный, бесстыже лез и лез в глаза, щекотал нос, ласково путался в волосах... Анастасия замотала головой, отгоняя неугомонного солнечного посланника. Очень хотелось спать, но тут, вдогонку упрямому лучу, раздался громкий стук в окошко.

Она приподняла голову, прислушалась и, застонав, рухнула на подушку. Все, день наступил... Хочешь не хочешь, а придется вставать: если беспокойная Митрофановна принесла продукты, спать точно не придется.

Так уж случилось, что Анастасия, хоть и сельская жительница, хозяйства своего не имела. Да и куда ей, местному фельдшеру, эта обуза? Поросятка, корову или теленка надо обихаживать и кормить... А она как с утра уйдет на работу, так до вечера возится с больными: кому-то плохо, кто-то рожать вдруг соберется. То давление, то ожог, то отравление... Только держись! Вот и крутится Настя, как белка в колесе, до своего хозяйства руки не доходят.

Митрофановна, спасибо ей, сразу взяла над девушкой негласное шефство. После смерти Настиной матери она, вернувшись с кладбища, пришла к заплаканной, растерянной Насте, посидела с ней, тоже поплакала, потом поставила на стол корзинку с кувшином молока, вареной курицей, десятком свежих яиц и половинкой краюшки хлеба.

– Значит так, девонька. Без матери лихо на белом свете, тяжело и холодно. Но, бог даст, переживешь ты эту боль, перетерпишь, выступишь. А я помогу – не зря с покойной Раисой столько лет дружила. Не дам тебе пропасть. Укрою и от буйного ветра, и от дурного взгляда. Буду продукты приносить свежие раз в неделю, по хозяйству стану помогать, поняла? Если что нужно – не стесняйся, я всегда рядом.

Было тогда Насте семнадцать лет, а в нынешнем мае уже исполнился тридцать один год.

Четырнадцать лет Митрофановна, как и обещала, помогает, оберегает и заботится. Бескорыстная душа, доброе сердце! Поначалу даже денег не брала за продукты.

– Отстань, – заявила как отрезала. – Откуда у тебя деньги, детонька? Вот выучишься, повзрослеешь, вернешься в село, начнешь работать, тогда и будем разговаривать...

Настя после смерти мамы поначалу совсем растерялась, потом, собравшись с силами, поступила в медицинское училище. Поддержка Митрофановны оказалась очень кстати для одинокой испуганной девушки.

После училища Настя, сияя от радости, вернулась в родное село и с первой зарплатой явилась в дом удивленной соседки.

– Теть Галь, я деньги получила!

– Милая ты моя, – прослезилась Митрофановна, – поздравляю! Вот мать не дожидается, как бы порадовалась...

– Теть Галь, я теперь за продукты тебе платить буду. Вот... Возьми сама, сколько нужно, – Настя протянула ей все деньги.

– Одурела ты, Настена? – Митрофановна испуганно спрятала руки под фартук. – Какие деньги? Я ж от чистого сердца, как родной, помогаю. Что выдумала, бессовестная!?

– Знаю я, – Настя обняла за плечи соседку, ласково погладила ее по плечу. – Все знаю. Но теперь я могу заплатить. Ведь это же твой труд, а за труд принято платить. Возьми, пожалуйста.

– Нет, – Митрофановна решительно оттолкнула ее руку и отвернулась. – Грех это.

Но Настя тоже умела быть напористой, уж чем-чем, а упрямством она отличалась завидным.

– Если не возьмешь, помощь твою больше не приму, – пригрозила Настя. – И ничего больше с этого дня не приноси. В магазине все сама куплю.

– Вы только посмотрите на нее, люди добрые, – Митрофановна всплеснула руками. – Да разве в магазине такие продукты, как из своего хозяйства? Чего ж травиться из вредности?

– Тогда бери деньги и не спорь, – Настя звучно чмокнула соседку в висок.

Так и повелось. Раз в неделю, чаще всего в субботу, Митрофановна приносила домашние продукты, а по рабочим дням могла без всякого предупреждения приготовить обед, принести кастрюлю или миску, поставить на крыльцо, накрыть чем-нибудь теплым, чтобы не остывало подольше...

Сегодня была суббота. И, как обычно, в окно опять постучали... Настя вскочила и босиком, в одной ночной рубашке, подбежала к окну, распахнула его.

– Доброе утро, тетя Галь! Чего так рано?

– Да где ж рано, милая? Семь утра в деревне – уже позднее время. Вон бабы наши с четырех не спят, на заре коров доят, в стадо выгоняют. У нас пастух деревенский больно строг: чуть запоздаешь – будешь за стадом со своей коровенкой бежать. Ждать он не любит!

– Да знаю я этого Федьку неугомонного, – Настя засмеялась. – В прошлом году, когда он разбился на мотоцикле, в район его возила. Ох, и занудливый мужик, противный...

– Ну, противный, не противный, а дело свое знает. Наши коровки вон сколько молока приносят. Не ленится Федька, пасет их честно и добросовестно.

Митрофановна подошла к самому окну, передала девушке корзинку со свежими яйцами, крынкой молока, куском домашнего сала и горкой свежесдобитых оладий.

– Иди завтракай, пока не остыли. С утра напекла...

– Ой, тетя Галь, что бы я без тебя делала?

– А зачем тебе без меня, коли я – вот она? – Митрофановна засмеялась, колыхаясь всем телом. – Спишь и не видишь, что у тебя под носом делается.

– А что делается? – насторожилась Настя.

– А вон что, – усмехнулась Митрофановна. – Иди-ка на крыльце погляди!

Настя, нахмурившись, кинулась через весь дом к входной двери, вылетела босиком на веранду и, только тут спохватившись, сунула ноги в старые сбитые тапочки, в которых ходила по двору. Распахнула обиженно скрипнувшую дверь и замерла...

На крыльце, привалившись к притолоке, лежала огромная охапка полевых цветов. Разнотравье кружило голову и удивляло естественностью, простотой и безыскусной гармонией. Ромашки, колокольчики, дикая герань, тысячелистник, клевер, луговая кашка, зверобой, купальник и медуница издавали чудный запах, в котором смешалось все: ранний рассвет, утренняя сырость, луговое очарование, молодая зелень и слезы первой росы...

– Митька опять с утра по полям носился, – досадливо покачала головой Настя.

– И чего ты нос от него воротишь? – Митрофановна недовольно сдвинула брови. – Какой парень пропадает, загляденье: и умный, и добрый, и работающий! А главное, свой, деревенский. И любит-то тебя как: ни свет ни заря подхватился, и тебе, упрямыце, цветы побежал собирать. Ну? Чем плохо?

– Да не плох он, конечно, но мне не нужен, – повела плечом Настя. – И цветы эти не нужны. Тетя Галь, ведь сто раз уже обсуждали, чего опять воду в ступе толочь? Надоело!

– Ой, девка, останешься ты одна. Как пить дать, останешься, с такой переборчивостью. Потеряешь Митьку, жалеть будешь! Такого красавца любая баба схватит, не подавится. Ну, да ладно. Тебя ведь не переговоришь. Иди завтракай. На работу-то сегодня пойдешь? Или хоть одну субботу дома посидишь?

– Пойду, – Настя кивнула в сторону улицы, – у меня сегодня две капельницы, женщину после операции привезут. Так что сейчас быстренько перекушу и побегу.

Анастасия любила такие ничем не выдающиеся дни. Привычные, заполненные работой, общением с людьми, переживаниями, встречами и улыбками...

День, обычный, деревенский, хоть и субботний, покатился по накатанной...

Глава 2

Анастасия родилась в Васильевке тридцать один год назад. И с каждым днем все больше влюблялась в эту неприметную, на первый взгляд, среднюю полосу России-матушки: в луга, осыпанные полевыми цветами, в поля, колосющиеся высокой пшеницей и зернистой рожью, в леса, манящие тенистой прохладой...

Она обожала это невероятное пьянящее раздолье. Любила зори, полыхающие до самого горизонта, закаты, обнимающие усталое солнце, травы, пахнущие свежестью и дурманящей мятой, тихие речные заводи, окутанные густыми молочными туманами. Не переставала удивляться этой скромной неброской красоте, букету ароматов, земле, насквозь пропитанной невероятной силой, энергией и естественной гармонией.

До сих пор отчетливо помнила, как мама, тоже родившаяся здесь, повела ее первый раз на реку. Настена отчаянно упиралась – боялась сойти с берега, окунуть босые ножки в быструю воду. Но мама, ласково улыбаясь, присела на большой камень, опустила руку в прозрачную реку.

– Посмотри, Настенька, какая чистая водичка. Это наша хозяйшка, река глубокая, заводь прозрачная. Она наше село оmyвает, людям помогает, птиц и зверей поит. И в радости, и в горести мы к реке приходим, садимся на берегу и жалуемся, советуемся, пеняем на жизнь. Песни ей поем, частушки отбиваем. А парни и девчонки на свидания к реке бегают. Река наша много секретов деревенских хранит, много чего про нас, суетливых, знает. Не бойся, доченька, ее, опусти ножки в воду прохладную, почувствуй силу ее великую...

Мама слыла в селе человеком особенным. Работала дояркой на ферме, но умела людей травами лечить. Ходила на заре в поле, в луга за рекой, собирала веточки, цветы, семена, зерна и колоски. Сушила, хранила, растирала, перебирала. А потом то в чай добавляла, то в еду, то в кисель. Густые настои варила, сборы целебные готовила.

Настя, глядя на ее старания, умения и отношение к людям, сразу решила доктором стать. Но не получилось...

В тот год, когда Анастасия заканчивала школу с золотой медалью, мама внезапно умерла. И девушка, пропустившая время экзаменов в институте, отдала документы в медицинское училище, куда медалистов брали без экзаменов.

Тот выпускной год дался девочке тяжело. Мама уже не работала, болезнь, вдруг скрутившая сильную веселую женщину, сразу превратила ее в слабую немощную старушку. Она лежала на кровати, подложив ладошку под щеку. Иногда горько плакала, словно жалея о чем-то, чего не в силах изменить. Не жаловалась на боль, лишь тихо стонала, уткнувшись в подушку.

Настя, сраженная неожиданной бедой, похудела, осунулась, побледнела. Разрывалась между школой, уроками, подготовкой в институт и уходом за мамой.

Митрофановна и тут подставила плечо. Как-то вечером она принесла очередную крынку парного молока.

– Ты, Настюша, вот что... Готовься к поступлению, а мать мне оставь. Не зря мы с ней с малолетства дружим, всякое проходили, и это одолеем. Ты учись, а я за Раисой сама ухаживать стану. И постираю, и накормлю, и лекарство дам...

В июне маме совсем плохо стало. Врачи отводили взгляд, лекарств новых не выписывали, в больницу класть отказывались. Митрофановна ходила с красными от слез глазами, но духом не падала, понимала, что руки опускать нельзя – девчонка ведь совсем одна остается, надо крепиться, не раскисать, держаться до последнего...

В конце июня Раиса умерла.

В полдень вздохнула, придя в сознание, и тихо позвала дочку:

– Присядь, милая. Хочу рассказать кое-что, – мать улыбнулась краешком бледных губ. – Много лет я тяжкий крест несу, а смелости поведать боль мою не хватило... – Раиса взяла дочь за руку, ласково погладила высохшими пальцами. – Ты, Настенька, помни только, что грехи людские прощать надо. Любые грехи ложатся тяжким бременем на душу, отнимают здоровье. Вода на реке и то камень точит, а уж душа наша куда более тонкая штука, трудно ей под гнетом жить. Помни, доченька, все мы не безгрешны. А милость – главное наше достоинство. Умей людей прощать.

– О чем ты, мама? Какие грехи? – всхлипнула Настя. – Всем бы так жизнь прожить, как ты сумела...

– Что ты, Настюша... – Раиса облизала пересохшие губы. – Наша дорога так запутана, извилиста, столько на ней перекрестков и закоулков, искушений и соблазнов, бесовских наваждений... Порой удержаться невозможно, блуд и обман рука об руку идут... И я не устояла. Не смогла. Останешься ты не одна в этом мире. Не одна.

Насте показалось, мама бредит.

– Мамочка, ты о чем? – она тронула ее за худенькое плечо. – Тебе что-то приснилось? Привиделось?

Мать хотела ответить, но, видно, устав, закрыла глаза, собираясь с силами, а потом, словно передумав говорить, кивнула.

– Еще есть время. Беги в школу за аттестатом. Вернешься, поговорим.

Если бы Настя знала, что случится потом, никуда бы не пошла. Но ведь не угадаешь, как правильное, пока не проживешь этот день.

Мама умерла, ее не дождавшись.

Вернувшись с кладбища, Настасья, упав в высокую траву, горько рыдала, выла отчаянно и тоскливо. Осталась она совсем одна, и как жить дальше не знала. Думать ни о чем не могла.

Пролежала два дня дома, отвернувшись к стене. Митрофановна тихо плакала, сидя рядом на старенькой табуретке. Не уговаривала, не просила, молчала. Знала, что такую боль словами

не перебить, не отогнать, не успокоить. Такую боль пережить надо. Переварить, перемолоть в себе. Переломить, перестрадать, чтобы воля к жизни опять проявилась. Чтобы двигаться захотелось, с людьми общаться, на мир смотреть.

Анастасия долго не могла вернуться к прошлым привычкам, к былому порядку. Ничего не хотелось. Только лежать. Вспоминать. Думать. Плакать. Горевать.

А потом ничего, поднялась и стала дальше жить. Пошла учиться. Так и появился в селе свой фельдшер. Анастасия Васильевна Кувшинова.

Люди Настю очень любили, уж больно она была своей и родной: все понимала, жалела сельчан, помогала, не брезговала ничем...

И уж, конечно, деревенские бабы вовсю стремились жизнь ее личную устроить – это уж как заведено в селе, вековая традиция... Бабы сельские шушукались, женихов подсылали, ненароком сталкивали. Кумушки деревенские сплетничали, чесали языками, перемысливали косточки приезжим мужикам, пристально приглядывались ко всем претендентам на руку их фельдшера.

Анастасия даже не догадывалась, что за ее спиной целые баталии разворачиваются. И только Митрофановна, иногда не выдержав, пересказывала новости, лукаво подмигивая.

– Ну, скажи мне, чего люди с ума сходят? Им что, заняться нечем? – злилась Настя.

– Так ты ж наша, местная, вот и хотят тебя в хорошие руки пристроить, – посмеивалась сердобольная соседка.

– Как это пристроить? – кипятилась Анастасия. – Я что, вещь или приз переходящий? Чего меня пристраивать? Как-нибудь сама разберусь.

– Вот и разберись поскорее, – охотно кивала Митрофановна, – а то бабы наши тебя насильно замуж выдадут.

Соседку, всем сердцем привязавшуюся к Настене, тоже волновало, что девушка, дожив до тридцати одного года, замуж не собирается. Как же так? Даже и не пытается хоть как-то устроить свое женское счастье! А ведь, по деревенским меркам, она уж больно засиделась в девках...

Анастасия же особо не печалилась, замуж не стремилась, о любви не тосковала. Да и чего грустить, когда претендентов на руку и сердце хоть отбавляй: то заезжий доктор влюбится, то местный фермер глазки строит, то учитель из соседней деревни взялся ездить по поводу и без повода. Но молодая специалистка, со всеми ровная и приветливая, никого не выделяла, никому ничего не обещала.

Главным ее ухажером в деревне считался Митька. Да что там ухажером! Все в округе знали, что Дмитрий любит их фельдшера давно и серьезно, с самого детства. Учились они в одном классе, даже какое-то время сидели за одной партой и жили на одной улице.

Все, казалось бы, складывалось как нельзя лучше. Но Анастасия не видела в бывшем однокласснике мужчину, он все еще казался ей легкомысленным мальчишкой, с которым хорошо поболтать, по грибы сходить, возле печки посидеть. Но чтобы замуж... Этого ей как раз не хотелось.

Поэтому и сегодня с утра, обнаружив на пороге огромную охапку полевых цветов, Настя расстроилась. Это ж надо – в поле поутру уехать, цветов набрать, принести... Насте порой даже плакать хотелось, за Митьку переживала: парень золотой, ему бы семью, детей, а он время свое на нее тратит. Попусту тратит!

Время, однако, бежало. Старые, еще бабушки, часы с кукушкой и гирями мерно тикали на стене, напоминая о несговорчивости времен и скоротечности человеческой жизни...

Вздохнув, Настя собралась и вышла из дома.

Сельская улица, по которой она ходила уже много лет, почти не изменилась. Все те же дома, палисадники, лавочки у заборов, резные наличники, высокие ворота... И все же каждый раз девушке казалось, что она впервые видит вот этот удивительный тополь у ворот Митро-

фановны, вон тот конек на крыше голубого дома, выкрашенный в ярко-лазореый цвет, вон тот расписной флигель во дворе учителя рисования, вот эти чудные ставни, выющиеся, словно кружева, вокруг окон дома напротив...

А сколько еще настоящих чудес можно увидеть на улицах их огромного древнего села, а какие люди здесь живут!

Настя понимала, что может часами говорить о густом лесе за околицей, где во время войны прятались партизаны, о старой мельнице за вырубкой, которая до сих пор может, при необходимости, зерно в муку смолоть, о мягком, будто хлопок, тумане над рекой, который плывет на заре и повисает хлопьями на восходе, о ветхом пароме, все еще исполняющем свою тяжелую работу...

Село их, по извечной русской традиции, располагалось вокруг большой площади, где возвышался древний храм. И уже от этой площади лучами расходились улицы, от них бежали переулки, тупики и проезды...

У Васильевки, как у любого большого села, и жизнь, исчисляющаяся не одной сотней лет, была длинная, нелегкая. Село, оно как люди: и родится нелегко, и строится долго, и разруху, как болезнь, переживает, и возрождение отмечает. Живет и старится вместе с людьми.

Глава 3

Дмитрий Гвоздев к своим тридцати двум годам повидал всякого – и хорошего, и плохого. Но все, чем он особенно дорожил, старался далеко от себя не отпускать или умудрялся не покидать.

Родился Дмитрий в обычной семье: мама – сельский почтальон, отец – зоотехник. Во времена колхозов и совхозов хорошие зоотехники шли нарасхват, их ценили, берегли и поощряли. А вот после развала страны с такой специальностью стало трудновато, но Митькин отец работы не боялся, брался за любую, трудился честно, поэтому семья не бедствовала. Мама, шагая по селу с огромной сумкой на плече, людям улыбалась, приветливо здоровалась.

– Ой, Татьяна, золотой у тебя характер, – изумлялись местные бабки. – Ты печалям и горестям не поддаешься, людей любишь, смотришь на мир весело.

Митькина мама и впрямь родилась со счастливым характером: никогда ни на кого не обижалась, шла по жизни легко и радостно. Эта ее черта и сыну передалась.

Дмитрий еле дождался дня, когда в школу пойдет. Уж очень хотелось малышу ощутить себя школьником, отвечать на уроке, получать пятерки.

Учился мальчишка азартно, с удовольствием. Но и похулиганить любил: дергал девчонок за косы, мог подставить подножку однокласснику, поспорить с физруком, а порой и подраться с обидчиком. Но ребята на него не злились: Митька поможет решить задачу на математике, объяснит реакции по химии, подежурит в классе вместо тебя... Ему вообще было не в тягость донести кому-то портфель до дома или помочь грядки вскопать на огороде.

Но в седьмом классе жизнь Митькина переменилась. Как это обычно бывает в начале сентября, классный руководитель решила их всех пересадить так, чтобы они на уроках не болтали, учителей не отвлекали, сами не пропускали мимо ушей новый материал. Не спрашивая согласия учеников, классная дама сама приняла решение и огласила его на второй день учебного года.

Митьку посадили с Настей. И все. Мир перевернулся.

Он, проучившись с ней в одном классе целых шесть лет, поначалу не имел ничего против, девчонка и девчонка. Такая, как все. Но через неделю Настена заболела, и математичка строго глянула на парнишку.

– Что ж ты, Дмитрий? Твоя соседка по парте пропускает школу, болеет, отстаёт, а ты в ус не дуешь!

– А что делать? – насторожился Митька.

– Как что? Бери домашние задания, иди к своей соседке и объясняй новые темы. Двойная польза: и сам все повторишь, и девчонке поможешь. Доброе дело сделаешь.

Преданный Митька после уроков обошел всех учителей, все спросил, подготовил и отправился к однокласснице, которая жила с ним на одной улице. Настена, увидев у своей калитки соседа по парте, изумилась.

– Ты чего?

– Пришел тебе новые темы объяснять, – Митька, деловито кашлянув, принял очень серьезный вид.

– Ты? Ты что, учитель? – прыснула девчонка.

Митька недовольно покраснел, но не дал разойтись ущемленной гордости.

– Чего хохочешь, глупая? Вот отстанешь в учебе, двоек нахватаешь, будешь позором класса.

Одноклассница, обиженная такой нелестной перспективой, сердито нахмурилась.

– Что ты несешь? Я никогда еще на двойки не училась, нечего выдумывать! Ладно, заходи, так и быть...

Дмитрий переступил порог Настинного дома, огляделся, да так навсегда и оставил здесь свое сердце...

Он приходил сюда две недели – ровно столько, сколько Настя лечилась от ангины. Сначала стеснялся, держался скованно, сдержанно. Но вскоре осмелел, расхрабрился, начал подшучивать над Настинной медлительностью. Потом стал заботиться. Как-то принес миску, закутанную в полотенце, и покраснев, аккуратно поставил на стол.

– Вот...

– Это что? – удивленно округлила глаза девочка.

– Вареники. Мамка сегодня лепила, очень вкусные, сытные. Мамка сказала, тебе надо сил набираться.

Настена, радостно всплеснув руками, кинулась снимать полотенце.

– Ой, Митька, ура! Как же я вареники люблю! Спасибо тебе!

– Да ладно, – засмущался мальчишка, – ешь, пока горячие.

Настена принялась уплетать вареники, а потом призывно махнула:

– Садись рядом. Давай вместе есть. Здесь много, мне одной не одолеть!

Дмитрий до сих пор вспоминает тот день, ставший своеобразным рубежом в их с Настей жизни. Они, обжигаясь, ели горячие вареники, хохотали, облизывая масло, стекающее по пальцам...

Ребята так подружились, что стали неразлучными. В селе, конечно, их дружба не осталась незамеченной: детвора кричала им вслед «жених и невеста», подслеповатые и докучливые старухи недовольно кивали, а соседки, смеясь, так прямо и говорили Настинной матери: «Ой, Раиса, быстро же Настасья себе жениха сыскала. Гляди, обернуться не успеешь, как выскочит она замуж!»

Мама не боялась пересудов и разговоров, знала, что детская дружба ничем плохим не обернется. Но когда дочь перешла в выпускной класс, все-таки решила поговорить с ней.

Однажды, закрыв за Митькой, который полдня просидел у них в доме, дверь, Раиса выразительно глянула на подростковую дочь.

– Настюш, хочу спросить...

– Да? – дочь ласково глянула на мать. – О чем?

Не зная, как подобрать правильные слова, чтобы не обидеть свою девочку, Раиса в замешательстве пожала плечами.

– Даже не представляю, как с тобой об этом говорить...

– Что-то случилось? – встревожилась Настя.

– Не знаю... Разговор о Дмитриии пойдет.

– Про Митьку? Ну, говори.

Раиса, на мгновение задумавшись, решила сказать как есть:

– Бабы в селе болтают, что у вас с Дмитрием любовь...

– Что? – Настя так захохотала, что чуть не рухнула со стула. – Любовь? Это значит, так теперь называется?

Мать растерянно переступила с ноги на ногу.

– Чего ты хохочешь, как ненормальная? А что люди должны думать, если вы все время проводите вместе? В школу вместе, из школы вместе, и в школе за одной партой. Ну? Как людям не судачить?

Настя, насмеявшись вдоволь, подошла к матери, обняла ее и закружила по комнате.

– Мамочка, любовь у меня только с тобой! А с Митькой дружба! Понимаешь? Дружба!

– Да какая же это дружба, доченька? Ведь он глаз с тебя не сводит. А мать его, почтальонша, мне вчера по секрету поведала, что он все стены в своей комнате твоими фотографиями завесил!

– Мам, ты, главное, не волнуйся. Слышишь? Ничего плохого между нами нет и не будет. Для меня он друг, самый лучший, самый верный, самый надежный. И любви у меня к нему нет. Вернее, есть любовь. Очень сильная, очень нежная, братская. Или, как это правильнее сказать, сестринская любовь, да?

– Да ну тебя, болтушка.

Но от сердца отлегло. Тревоги утихли. Раиса знала, что дочери можно верить. Если она так сказала, можно и не сомневаться. Митька, однако, думал иначе, но про разговор этот узнал только спустя лет пять-шесть.

Много воды утекло, еще больше событий всяких произошло...

Умерла Настина мама, девушка уехала в город учиться, да и сам он поступил в институт, закрутился в суеде студенческой жизни... Но любовь свою помнил, ждал своего часа. Когда Анастасия вернулась после училища, он, запыхавшись, вбежал к ней в дом, схватил на руки, закружил по комнате...

Она, не ожидая такой встречи, обняла его, заплакала. Митька, не понимая, как ее утешить, взял и брякнул с ходу:

– Не переживай, Настена, я же рядом. Теперь все пойдет по-другому. Вот поженимся, легче будет.

Анастасия, опешив от его слов, взмахнула влажными от слез ресницами.

– Что? Ты спятил? Как это поженимся?

Он, совершенно уверенный в их вечной любви, удивленно хмыкнул:

– Что как? Очень просто. Распишемся, да и все тут. Станем жить, поживать и добра наживать.

– Ты прямо как те бабки, которые еще в десятом классе за нас все решили, – усмехнулась девушка.

– Какие бабки? – недоумевающе уставился на нее парень.

И Анастасия передала ему тот памятный разговор с мамой.

Дмитрий, который уже много лет преданно любил одноклассницу, нахмурился.

– Насть, что ты выдумываешь? Какая братская любовь? Я люблю тебя с седьмого класса. Мне сейчас почти двадцать два, через год я заканчиваю институт. О чем тут думать? И потом, что бы ты там ни вбила себе в голову, запомни: я тебя никому не отдам.

С тех пор много воды утекло. Много туманов рассеялось над рекой, много закатов погасло... Много свадеб сыграли в Васильевке... А уж сколько звезд скатилось с неба – не пересчитать!

Правда, Дмитрий за эти годы сильно изменился. Из худенького высокого парнишки он превратился в здорового крепкого мужчину. Закончил институт, работал в городе на заводе инженером, но жил по-прежнему в селе. Да и зачем переезжать куда-то, когда на машине до города сорок минут. А здесь дом, родители, друзья... И главное, Настя. Зазноба, мечта, подруга и любимая...

Думая о ней, Дмитрий лишь безутешно усмехался: угораздило же влюбиться в эту упрямцу!

Другие женщины Митьку любили. Да и как не любить его, балагура, весельчака, добряка? Он к их вниманию относился снисходительно, понимал, что любая из них мечтает о семье, о верном мужском плече, о детях. Благоклонностью женской не злоупотреблял, никому ничего не обещал, не тешил собственное самолюбие.

Однако иногда, устав от вынужденного одиночества, отдавался во власть жаркой плотской любви. Забывался в объятиях очередной влюбленной в него дамы, отключался от всех проблем и тревог, словно погружался в какое-то беспамятство. А через какое-то время, поостыв, перебродив, успокоившись, покидал свое временное пристанище и поспешно возвращался домой, в родное гнездо.

Все в жизни Дмитрия вроде бы складывалось удачно. Только одно не давало ему глубоко дышать, ощущать вкус жизни и яркость цвета. Только одно его бесконечно будоражило и волновало. Будто привязанный или привороженный, мужчина все мечтал и мечтал только об одном. О том благословенном дне, когда сможет назвать эту противную, несносную Настьку своей женой.

Глава 4

Июнь раскрасил город яркими красками. Молодая листва, полная свежих соков и сил, буйствовала в парках и скверах. Аромат новой, проснувшейся зелени будоражил кровь. Чистое небо, словно чаша перевернутой лазури, поражало своей высотой.

Июнь хозяйничал в городе, посылая неутомленным горожанам столько солнца, что хотелось бродить по улицам, ловить каждый искрящийся лучик и напиться этим щедрым, редким теплом.

Анна сгорала от нетерпения: часы на стене показывали без трех минут двенадцать, а креативный директор до сих пор не объявлялся.

– Вот бездельник, – женщина сердито сдвинула чуть подкрашенные брови, поправила холеными руками, унизанными дизайнерскими кольцами, длинные волосы и нажала на кнопку вызова.

– Да, Анна Васильевна, слушаю, – мгновенно ответила вышколенная секретарша.

Анна, опять глянув на часы, недовольно выдохнула:

– Света, где до сих пор черт носит этого лодыря? Где Мирон, не знаете?

Светлана, симпатичная, ладненькая и очень исполнительная девушка, уже лет пять работающая в агентстве секретаршей, заспешила:

– Анна Васильевна, он с утра не появлялся. Вчера, правда, допоздна сидел в офисе, готовил новый проект.

– Понятно, – Анна обреченно кивнула. – Этот-то проект я и жду. Но, видно, сегодня не мой день. Ладно. Если этот змей вдруг объявится – сразу ко мне! – Она откинулась на спинку кресла и погрузилась в воспоминания...

Это рекламное агентство, нынче очень востребованное, она создала шесть лет назад. Тогда ей только исполнилось двадцать пять.

Преисполненная благими намерениями и грандиозными планами, Анна тогда работала после университета в редакции довольно крупной газеты. Но все, что она там делала, ее тяготило, угнетало и подавляло. Девушке, получившей прекрасное гуманитарное образование, хотелось иного. Она, всегда мечтавшая о творческой работе, мучилась каждодневными рутинными обязанностями штатного литредактора. Шеф-редактор, вечно недовольный, неухоженный, громко кашляющий и хромающий на одну ногу, чуть ли не каждый день жаловался на нее главреду.

– Она не наш формат... Зачем мы ее держим?

– А она что, плохо работает? – шурил на него красные от недосыпа глаза главред. – Ошибается? Я посмотрел – образование у нее отличное, возраст тоже подходящий. Рвение и усердие у нее есть, ищите подход. Настырность – не самое плохое качество для газетного работника.

– Слишком о себе много думает, – бурчал возмущенно шеф-редактор.

– О себе... – хмурился главред, – или о работе?

– Вам бы только шутить, – шеф-редактор обиженно поджимал губы. – Вот вчера, например, я ей говорю, что концовку статьи надо исправить, она плохо читается, невнятная, невразумительная...

– А она? – главред еле сдерживал смех.

– А она, – шеф-редактор не замечал его лукавства, – так надменно глянула на меня и выдала, что текст тогда лучше воспринимается, когда имеет незаконченный или открытый финал. Мол, это дает возможность читателю подумать и сделать свой вывод. Мол, такой финал заставляет размышлять, сопоставлять и анализировать. Представляете?

– Послушайте, прекратите ее дергать, – улыбаясь, разводил руками главред. – Пусть работает. Нам такие люди нужны: не зашоренные, свободные от предрассудков, не ограниченные рамками показного приличия и лицемерия. У нее незамыленный взгляд, непредвзятый. Хорошая девчонка, не конфликтуйте вы с ней, ради бога! А то ведь сбежит от нас куда-нибудь. Таких с руками отрывают!

Шеф-редактор недовольно сутулился, раздраженно собирал бумаги в папку и, бросив желчный взгляд на начальника, яростно хлопал дверью.

Анна работала добросовестно, но, возвращаясь домой, грезилась о своем деле. Кто знает, сбылись бы когда-нибудь ее планы, если бы однажды девушка не встретила мужчину, ставшего ее мужем и вмиг осуществившего ее заветную мечту.

В свои двадцать пять Анна, выросшая в обеспеченной семье, имела обо всем собственные представления и суждения. Мир ее, сформировавшийся с помощью книг, экскурсий, зарубежных поездок, отличался многоплановостью, но строго делился на нужное и не нужное, важное и не важное, полезное и вредное.

Девушка всегда знала, чего хочет. Среди ее знакомых никогда не могли бы оказаться люди глупые, ограниченные или безвкусные. Она принципиально не дружила с бедными, считая их людьми не своего круга. И уж точно Анна не смогла бы влюбиться в мужчину без средств. Избалованная очень состоятельной бабушкой, она отличалась капризным, упрямым и требовательным характером. В ней, с виду хрупкой и нежной, жила довольно жесткая и хваткая личность.

Подруги и однокурсницы, вспоминая о ней, иногда даже поеживались...

– Ой, Анька – настоящий монстр. Если ей кто не нравится – съест и не подавится!

– Анята цену себе знает. Ни за что не прогадает, выгоду не проморгает, добро из рук не выпустит!

Анна внимания на все эти разговоры не обращала, считала их бреднями неудачниц, и жила как ей хотелось. Неудивительно, что, убедившись в состоятельности мужчины, протянувшего ей однажды руку помощи, она вцепилась в него как клещ и сделала все, чтобы он сам захотел на ней жениться.

Даже теперь, спустя много лет, Анна, вспоминая то время, ставила себе крепкую пятерку. Не сплеховала, не упустила шанс, не дала промашку.

Тогда ей, молодой и красивой казалось, весь мир лежит у ее ног. Она держалась независимо, в рассуждениях не стеснялась, рубила с плеча, не боясь осрамиться. Но однажды, совсем неожиданно, Анна попала в такую дурацкую ситуацию, что, не оказись рядом случайный спаситель, стала бы посмешищем огромного торгового центра.

А произошло вот что... Выбрав день посвободнее, девушка отправилась по магазинам. Ходила, присматривалась, выбирала. И надо же было такому случиться, что она попала на второй этаж центрального торгового дома именно тогда, когда полы там только что вымыли. Мокрая плитка, еще не просохшая, оказалась не менее коварной и скользкой, чем лед на катке.

Все произошло мгновенно... Но ей казалось, что этот позор длился не менее часа...

Анна, опрометчиво поспешив, смело ступила на влажную гладкую плитку, сделала шаг, второй... Внезапно, потеряв равновесие, стала заваливаться набок, отчаянно размахивая руками. Не успев ахнуть, вдруг почувствовала, что ноги, ставшие ватными, разъехались в разные стороны, и она, будто ванька-встанька, закачалась то вправо, то влево, мучительно пытаясь удержать вертикальное положение. Ничего не получалось...

Когда она, выписав ногами отвратительный пируэт, готовилась уже рухнуть на мокрый пол, чья-то крепкая рука цепко обхватила ее за талию и, обуздав нелепые выкрутасы и смешные вращения, бережно поставила на обе ноги, подержав для полной уверенности на весу.

Взмокшая от напряжения, раскрасневшаяся и взлохмаченная, девушка глубоко вздохнула, усилием воли смахнула с лица паническую лихорадку и подняла на внезапного избавителя перепуганные глаза.

– Спасибо!

– На здоровье, – лукаво прищурился незнакомец. – Если еще задумаете падать, позовите меня заранее, а то ведь могу и не успеть. Ну, вы как? В порядке? – он посмотрел на нее внимательно.

– Да какой здесь порядок может быть? Все вверх дном в голове, – отмахнулась смущенная Анна.

– Да уж, – кивнул мужчина, – танцевали вы на паркете здорово!

– Издеваетесь? – досадливо поморщилась Анна.

– Я – Сергей. Сергей Кравцов. А вы? – мужчина словно не заметил ее досаду.

– Анна, – вздохнула девушка.

– Может быть, чаю или кофе? Для успокоения, так сказать, – внезапно предложил он.

Они просидели в кафе целый час.

Сергей оказался интересным собеседником, прекрасным рассказчиком, внимательным слушателем. Анна, придя в себя после головокружительного вращения на мокрой плитке, незаметно присмотрелась к своему спасителю. Он выглядел блестяще и производил впечатление очень состоятельного человека. Часы, костюм, туфли – все выдавало его успешность и материальное благополучие.

Девушка откровенно его оценивала. Внешне мужчина, спасший ее от позорного падения, Анне очень понравился. Темные глаза его глядели внимательно и серьезно, волосы, чуть, волнистые, коротко стриженные, отливали золотом. Чувственный рот, пухлые губы манили и дразнили ее воображение. Мгновенная легкая симпатия, возникшая между ними в первое мгновение, увеличивалась с каждой минутой.

Спустя час она, уже выстроив в голове план захвата, осторожно глянула на часы. Сергей, как она и предполагала, этот взгляд перехватил.

– Торопитесь?

Анна, усмехнувшись, поставила первую галочку в своем виртуальном плане и серьезно кивнула.

– Да. Мне уже давно пора, – она встала и протянула ему руку, ослепительно улыбаясь. – Бесконечно вам благодарна. И рада знакомству.

– Быть может, я вас довезу? – он руку ее не отпустил, придержал и заглянул в глаза.

Вторая галочка в ее плане быстренько добавилась к первой, вызвав у Анны чувство удовлетворения собой. Она знала, что делала...

Ее машина стояла на парковке торгового центра, но Анна не собиралась об этом сообщать Сергею, поэтому, скромно взмахнув ресницами, пожала плечами.

– Зачем? Я на такси спокойно доеду. Занимайтесь своими делами. Спасибо за предложение.

Но, отказываясь, она уже знала: он ее ни за что не отпустит. Все так и вышло...

Мужчина довез ее до дома. На следующий день прислал огромную корзину роз, потом позвонил. Роман закрутился с такой скоростью, что она и сама не успевала осмыслить происходящее. Анне казалось тогда, что она ловко окружила мужчину, однако уже месяца через два внезапно поняла, что сама неожиданно влюбилась.

Да и как было не влюбиться в него, умного, красивого, ухоженного, а главное, бесконечно щедрого. Увлеченно занимаясь собственным делом, связанным с логистикой продуктов питания, Сергей никогда не забывал о любимой. Выбирал лучшие спектакли в театрах, заказывал логи, забрасывал ее подарками, от которых кружилась голова, кормил в лучших ресторанах...

Однажды он не приехал к назначенному времени. Не перезвонил. Не появился и через час. Анна, уже одетая, долго томила у окна, потом стала сама звонить. И вдруг с ужасом осознала, что волнуется за него, тревожится, нервничает.

– Ну, все, – произнесла она вслух, покачав головой, – доигралась. И как теперь жить?

Пришлось перестраиваться, учиться жить по-другому. Не брать, а отдавать, не ждать, а идти навстречу, не капризничать, а сохранять спокойствие. Сергей, оказавшийся милым и приветливым, тоже старался вовсю.

Накануне свадьбы он, обнимая свою красавицу-невесту, спросил, глядя в ее глубокие глаза:

– Что ты хочешь в подарок?

Анна, давно лелеявшая мечту о своем рекламном агентстве, не растерялась. Не упустила шанс, который судьба, возможно, дает лишь однажды, да и то не каждому.

– Подари мне рекламное агентство. Я давно мечтаю открыть собственное дело, – обняв Сергея за плечи, она нежно поцеловала его в щеку.

Сергей не удивился просьбе, не дрогнул ни единым мускулом.

– Ну, что ж... Мечты должны сбываться. Считай, дело сделано.

Она, завизжав от восторга, повисла у него на шее.

Эх, любовь... Она, затейница и выдумщица, все может. Ее порывы, подобно урагану, сметают все преграды. Ее прикосновения сродни эликсиру, они дают возможность дышать, двигаться, творить. Любовь не спрашивает разрешения, не выбирает подходящую минуту. Она по-хозяйски врывается в нашу обыденность, бесцеремонно вторгается в нашу жизнь. Она срысывает крышу и шляпу, кружит голову, дурманит сознание, веселит душу.

Любовь позволяет жить. А жизнь, как известно, – это движение. Любить – значит идти вперед, а дорогу осилит идущий...

Глава 5

Синева летнего вечера медленно густела, будто прошлогоднее варенье. Постепенно становилась чернильной, потом иссиня серой. Ночь наступала властно, захватывала огромный город и деспотично требовала тишины и покоя.

Уставший город засыпал. Гасли окна. Затихали широкие проспекты и длинные улицы. День медленно уходил в небытие.

Есть в смене дня и ночи такой волшебный момент, когда это уже и не день, но еще и не ночь. И ты, совершенно вымотанный, но еще не уснувший, тихо готовишься погрузиться в ночную дрему, в безмятежное забытие, дающее телу отдых, а душе покой...

Анна, вернувшись домой после долгого суетливого дня, легко кивнула уставшей няне своей пятилетней дочери.

– Ну, что? Как дела? Спит?

– Анна Васильевна, – пожала плечами Лидия, – вы на часы-то смотрели? Время уж точно не детское. Половина двенадцатого! Конечно, давно спит.

– Да, да, – вздохнула Анна. – Задержалась сегодня. Новый проект запускаем, столько беготни, суматохи! Толчея в агентстве весь день: то заказчик приехал недовольный, то региональный директор ногами топчет, то наш бумажный комбинат чего-то выдумывает... Какая-то бесконечная мышьяная возня!

Лидия, много лет прожившая в этом доме, знала все обо всех его обитателях. Хозяйка ей нравилась. Нельзя сказать, что у нее ангельский характер – она могла запросто послать любого очень далеко. В таких случаях выражений не подбирала и в эпитетах не стеснялась...

Но Анна умела быть и справедливой, а это для прислуги и персонала, работающих в доме, очень важно. Все понимали: если работа выполнена качественно и добросовестно, хозяйка не пошлется на похвалу, обязательно отметит усердие и, возможно, даже поощрит материально.

Постоянно в доме, кроме хозяйки и ее дочери, пятилетней Симы, жили няня Лидия, повар Валентина и домработница Дина. В большом особняке они втроем все успевали сделать, отлично ладили между собой и, смеясь, называли себя «маленькой ячейкой общества».

Сегодня, к моменту возвращения Анны, все женщины уже отправились спать, и только беспокойная Лидия стояла у окна, дожидаясь хозяйку.

Анна, бросив сумку на диван, кивнула Лидии.

– Идите, Лида, спать. И правда, время позднее. Что Сима? Как день прошел? Без катастроф?

– У нас все хорошо, волноваться незачем, – спокойно улыбнулась няня. – Учительница по английскому приезжала, хвалила Серафиму. Преподаватель по музыке немного опоздал, был хмур и сердит.

– Да? – Анна удивленно приподняла брови. – А с чего ему быть сердитым, интересно? Плохо играла Сима?

– Она занималась, я проследила, – пожала плечами Лидия. – Но он сказал, что этюд выучен плохо.

– Скажите пожалуйста, – хозяйка усмехнулась. – Но я, кстати, не удивлена. Сима, мне кажется, ленится, я давно заметила. Она не очень любит фортепиано.

Лидия обиженно поджала губы.

– Вот вам бы только поругать ребенка! Да не ленится она! Просто лето уже наступило, если вы не заметили, и ребенку хочется отдохнуть, играть, баловаться. Это естественно для ее возраста. А вы все про музыку да про английский. Дайте ребенку свободу...

– Понятно, опять защищаете, – вздохнула Анна. – Ладно, ладно, не сердитесь. Но в пять лет, по-моему, перегружаться особо нечем. Вся жизнь – игра. Все, все, все, – отмахнулась Анна, заметив, что Лидия хочет что-то возразить. – Идите, ложитесь. Пора спать.

Тишина плыла по огромному дому. Анна задумчиво прошла на кухню, открыла огромный холодильник, внимательно оглядела его содержимое, будто решая – съесть что-нибудь или не нужно. Так ничего не выбрав, она решительно захлопнула дверцу и, выключив свет в гостиной и кухне, медленно поднялась на второй этаж в спальню.

Этот большой, очень уютный дом остался ей после развода с Сергеем.

Так бывает. Ничто, казалось, не предвещало беды. Свадьба их пела и плясала так долго и яростно, что даже гости, привычные к многодневным гульбищам, взмолились о пощаде. Уставшие, хорошо угостившиеся родственники и друзья просто выползали из ресторана, уже не в силах ни разговаривать, ни улыбаться на прощанье.

Жену Сергей обожал. Гордился ее красотой, умом, деловой хваткой, решительным характером. Удивлялся ее умению ставить всех на свое место, выигрывать в спорах, оставлять последнее слово за собой и управлять бушующими эмоциями. Порой даже за голову хватался, видя, как она жестко, но не дерзко, разговаривает с конкурентами, как тихо, но бескомпромиссно отстаивает свое мнение.

– Анька, откуда в тебе это? Ты родилась, чтобы царствовать!

Она улыбалась в ответ, довольная его оценкой. А когда Сергей, захлебнувшись от нежности, вдруг заключал ее в объятия, Анна ласково уклонялась.

– Делу – время, потехе – час, – бормотала она.

Но ему, как и всякому мужчине, иногда хотелось теплоты прямо сейчас, желалось мягкости, тихих объятий, робкого шепота, долгих ласк... Он настаивал, осыпая ее страстными поцелуями, нетерпеливо увлекал в спальню...

Но ей было не до нежности. Анна слышать об этом не хотела! Как только муж начинал проявлять настойчивость, она, смеясь, уворачивалась.

С утра до ночи Анна пропадала в своем рекламном агентстве, набирала людей, тестировала их сама, закупала оборудование, ездила на собеседования, следила за ремонтом здания,

выбирала мебель... Уставала ужасно, но это ее не только не огорчало, а придавало силы, у нее словно крылья за спиной выросли!

Она шла к своей цели так азартно, так настойчиво, так напористо, что упускала из виду то главное, что делает нашу жизнь обоюдно счастливой. Так бывает, что мы, окунувшись в море проблем и забот, оставляем далеко позади наших спутников, друзей и любимых.

Анна не понимала тогда или просто не хотела понимать, что именно ее безумное рвение и чрезмерное усердие постепенно становятся отправной точкой большого краха. В ее семье все летело по наклонной...

Через год после свадьбы родилась Серафима. Сергей, опьяневший от счастья, так расстрогался, когда взял дочь впервые на руки, что даже расплакался.

Он умилялся ее ручкам, ножкам, темным глазкам и все повторял и повторял:

– Она на меня похожа! Представляешь? Она точно как я...

– Да с чего ты взял? – смеялась Анна. – Она еще ни на кого не похожа, слишком маленькая.

– Нет, – упорствовал счастливый отец, – ты блондинка со светлыми глазами, а у нее вон какие глазищи темные, и волосы как у меня!

Серафима росла папиной любимицей, но даже эта бесконечная привязанность дочери и отца не смогла удержать на плаву их разваливающийся брак.

Сергей хотел домашнего уюта, семейных ужинов, объятий у камина, долгих прогулок под одним зонтом, а она рвалась на работу, ей нравилось бесконечное движение, вращение вокруг ее агентства, находки и открытия в новом деле.

Сергей, чувствуя, что дело движется к разводу, хмурился.

– Зачем тебе столько работать? Я дам все, чего твоя душа пожелает. Если бы знал, что так дело обернется, ни за что бы не стал делать тебе такой подарок. Собственными руками вырыл себе яму.

– Я не рождена быть домохозяйкой, – раздраженно отворачивалась Анна. – Ужин тебе и повар приготовит. Не нравится, я не держу. Плакать и умолять не стану.

Муж обиженно опускал голову, отмалчивался, потом стал все чаще задерживаться в своей огромной компании, затем начал уезжать на выходные, редко звонил, теплых слов уже не говорил и, наконец, даже перестал ночевать дома. Сима скучала, плакала, требовала отца, Анна лишь облегченно вздыхала, ощущая долгожданную свободу.

Сергей, надеясь на чудо, еще долго не подавал на развод, и лишь когда Анна случайно столкнулась с ним в ресторане, где он обедал с умопомрачительной красоткой, принял бескомпромиссное решение.

Щедрый по натуре, Сергей и при разводе не стал мелочиться: этот дом и машину оставил бывшей жене.

Но на прощание жестко сказал, глотая жгучую обиду:

– Ты – обеспеченная женщина. Твое агентство процветает и приносит небольшой, но стабильный доход. Жизнь – штука непредсказуемая, может сыграть злую шутку. Я – человек конкретный, поэтому хочу предупредить: если что-то случится, если ты разоришься, я никогда не приду на помощь. Спасать не буду. Я и без того сделал для тебя слишком много, но ты, к сожалению, из разряда тех, кто не умеет ценить добро и не способен испытывать благодарность. Что поделаешь... Бог тебе судья. Для Серафимы я открою отдельный счет, ты никогда не сможешь его коснуться, а Симе будет позволено им воспользоваться только после двадцати лет. Все. Живи. Плыви по жизни сама, как сумеешь. Выплывешь – хорошо, не выплывешь – сама виновата. Зато пойдешь на дно с гордо поднятой головой. Все как ты любишь.

Прошло три с половиной года с момента их расставания. Теперь Анне тридцать один, она, конечно, не богата, но обеспеченна. Еще молода, красива и полна сил. Ни о чем не жалеет и очень довольна собой.

Анна, усмехнувшись, подошла к огромному витражному окну в спальне.

Уже совсем стемнело. Дом, стоящий на берегу озера, давно погрузился в полночную тьму. Звезды сияли так близко, что казалось, протяни руку, и коснешься одной из них. Анна глянула на небо и ахнула, замерев от восторга.

– Вот они – звезды! Боже, это невероятно, – прошептала она.

Звезды светились и пульсировали, словно подмигивали кому-то в темноте. Их свет струился и блистал, озаряя уснувшую землю.

Звезды... Далекие и близкие, манящие и мерцающие, яркие и непостижимые. Они зовут и ведут, дразнят и обещают. Падают камнем и проливаются дождем, сводят с ума и дарят блаженство. Они странные и прекрасные. Большие и маленькие. Вечные странники, путеводные нити, неугасимые скитальцы и пастыри...

– Прямо как у Ремарка, – зачарованно пробормотала Анна. – В полночь вселенная пахнет звездами... – она глянула на часы. – Пора спать. Завтра новый день. И новые битвы.

Анна уже крепко спала, разметав по подушке длинные волосы цвета пшеницы, а в ее окна все смотрели и смотрели далекие звезды, которыми в полночь пахнет вселенная...

Глава 6

Настя уже заканчивала прием, когда в дверь ее здравпункта ворвалась Люська. Взлохмаченная, запыхавшаяся, она с разбега плюхнулась на стул, который обычно занимали пришедшие на прием пациенты. Анастасия, нахмурившись, оторвалась от заполнения карточки последнего пациента и недовольно глянула на подругу.

– Ты чего? Случилось что-то?

Люська поправила рыжие волосы, откинула длинную челку с высокого лба.

– А ты хочешь, чтобы я к тебе только с болячками обращалась?

– Ты неисправима, – усмехнулась Настя. – Говори, чего надо? Ну?

Люська, с которой Настя дружила с незапамятных времен, работала теперь директором Дома культуры. Закончив культпросветучилище, она года два помыкалась в городе не съемных квартирах, сходила замуж за водителя трамвая, поработала ассистентом режиссера в областном театре и вернулась в село.

– Все, хватит, – сообщила она родителям. – Хлебнула я городской жизни по самое не хочу. Поняла одно: дураков везде хватает, но лучше уж быть дураком там, где тебя любят, чем в чужом краю занимать чье-то место.

Уже почти пять лет Люська заведовала районным Домом культуры, и, надо признать, успешно. Место, где раньше только фильмы по вечерам крутили, стало настоящим пристанищем местной детворы и взрослого населения. Здесь работали кружки по рисованию, вязанию, столярный и театральный. Большая библиотека приветливо распахнула свои двери, привлекая сельчан разного возраста.

Люська сумела привлечь к работе с детьми самых лучших специалистов района. Рисованию, например, учил приезжающий из города художник. Раз в неделю он появлялся в Доме культуры, обвешанный огромными папками для эскизов, сумками с альбомами какого-нибудь

известного художника, новыми красками или этюдниками. Умеющих по-настоящему рисовать нашлось в Васильевке немного, зато любителей научиться этому оказалось немеряно.

Люська отдала художественному кружку огромную аудиторию на втором этаже, закупила мольбертов, красок, карандашей и всего остального, что могло пригодиться начинающим художникам. И по вторникам с замиранием сердца приникала к двери комнаты, за которой местная ребятня постигала азы искусства.

Кружком вязания руководила учительница по домоводству. Она, привыкшая учить детей всему, что сама умела, с радостью делилась с ними секретами вязания на спицах и крючком, а прошлым летом, благодаря стараниям Люськи, купившей вязальный аппарат, привлекла еще и взрослое население, начав уроки вязания на машине.

Театральную студию директор Дома культуры взяла на себя. Люська, а для детей Людмила Борисовна, окончившая культпросветучилище, считала себя настоящим мастером театрального дела.

С детским театром все было непросто, собственными средствами обойтись не получалось. Поэтому, недолго думая, Люська отправилась в администрацию района. Выбрав самое лучшее платье с глубоким вырезом, накрасив губы красной помадой и лихо взбив рыжую челку она, улучив момент отсутствия секретарши, смело вошла в кабинет к главе местной администрации и решительно положила перед ним исписанный листок. Оторопевший мужчина сдвинул очки на лоб и грозно глянул на ворвавшуюся посетительницу.

– Людмила Борисовна, что такое? Чего вы нарушаете порядок? Для вас что, законы не писаны?

Люська подход к людям имела, знала, где можно улыбнуться, где промолчать, где прикрикнуть. Сделав несчастное лицо, она опустила на стул возле ошарашенного мужчины.

– Михайло Иванович, войдите в положение... Открыли мы в Доме культуры театральный кружок. Желающих море, а реквизита – кот наплакал.

– А я-то здесь причем? – глава откинулся на спинку стула. – Что за листок вы мне тут на стол кинули?

– Не кинула, а положила, – Люська умильно закатила глаза. – Только вы поможете... Без вас никак!

– Вы мне что, на сцену предлагаете выйти? – вспотел от неожиданности мужчина.

Люська чуть не покатила со смеху, но для пользы дела сдержалась.

– Нет, что вы! У вас и без того дел полно.

– Так что? – глава администрации явно уже тяготился ее присутствием, поэтому, поджав губы, нахмурился. – Говорите прямо, чего хотите?

– Денег! Денег и побольше, – ничуть не стесняясь, тут же выдала Люська.

Мужчина, достав платок из кармана, вытер вспотевшую лысину и, изумленный такой наглостью, уставился на довольную собой женщину.

– Ну, вы не промах! И много надо?

Люська, вскочив со стула, обошла стол районного главы и, наклонившись пониже, с удовольствием продемонстрировала ему глубокое декольте, а заодно и подвинула поближе исписанный цифрами листочек.

– Нет. Немного. Вот списочек... Только и всего.

Мужчина, глянув в «списочек», побагровел, но, решив не вступать в пререкания, указал гостье на дверь.

– Все. Понятно. Идите, Людмила Борисовна. Мы изучим ваш запрос и дадим ответ в порядке очереди. У нас, знаете ли, всем всегда чего-нибудь нужно.

Однако Люська не была бы собой, если бы ушла сразу, не закрепив успех. Она вернулась к своему стулу, присела на него и подарила растерянному чиновнику сногшибательную улыбку.

– Но ведь мы можем надеяться на положительный ответ, Михайло Иванович? – Люська соблазнительно передернула плечами. – Сколько вы будете думать? Может быть, я зайду на следующей неделе вас провести?

– Да идите уже, – перепуганный глава администрации нацепил очки, схватил первую попавшуюся под руку папку с бумагами. – Сказал же – поможем!

– Вот спасибо, – Люська расплылась в благодарной ухмылке. – Я знала, что вы мне не откажете, – она степенно вышла из кабинета начальника. – Не бойся. Жив твой бурундук, – лукаво подмигнула Люська растерянной секретарше.

Театральный кружок, созданный наперекор всем финансовым проблемам, взбудоражил все село. Все люди, от мала до велика, никогда в настоящем театре не бывавшие, заговорили о новом начинании суматошной Люськи. А если в селе начинают что-то обсуждать, то одним днем это не заканчивается. Судачат на завалинках, за ужином и в поле. Рассуждают с видом знатоков о достоинствах и недостатках, присматриваются, оценивают, дискутируют.

Сначала робко, потом посмелее потянулись сельчане к Дому культуры поглядеть на это новое сельское чудо под названием «театр». Людям нравилось это «городское развлечение». Те, что понастырнее, заходили в зал, присаживались на кресла подальше от сцены, прислушивались и, затаив дыхание, следили за репетицией.

Люське такое внимание сельчан безмерно нравилось. Дело она свое любила, и внезапный интерес людей к ее детищу льстил и тешил ее довольно сильное самолюбие.

Но самым ярким событием, по мнению директора местного Дома культуры, оказалось приобретение настоящего мастера столярного дела.

Известный всему району столяр-краснодеревщик, лауреат многих районных и областных конкурсов, постоянный участник ярмарки мастеров Денис Владимирович никак не соглашался поработать с детьми. Он даже представить не мог, как найти время, чтобы поехать в село и провести там хотя бы одно занятие. А неугомонная Людмила Борисовна просила по занятию каждую неделю. Мастер категорически не соглашался, уговоры не помогали, он даже трубку перестал брать, чтобы не говорить одно и то же цепкой и назойливой даме.

Известный мастер просто не понимал еще, что если Люська поставила цель, то добьется своего, сминая и сметая все на своем пути. Почувствовав, что мужчина не поддается, она пошла другой дорогой, выбрав вариант наиболее, по ее мнению, удачный и трогательный. Собрала в селе мальчишек, которые мечтали научиться работе с деревом и, посадив их в школьный автобус, отвезла в город, прямо в столярную мастерскую. Дети, окружив мастера, сами попросили его научить их, приглашали в село, хвалили его изделия и делились своими мечтами.

Ну, кто тут сможет устоять?

Так и ожил сельский Дом культуры с появлением Людмилы Борисовны, рыжей взбалмошной Люськи, смешливой и упрямой подруги местного фельдшера. И это место, так долго приходившее в упадок, стало истинным островком культуры и просвещения населения всех возрастов Васильевки.

Глава 7

Люська слыла в селе личностью выдающейся. С самого раннего возраста она, как шутили соседи, активно несла в массы свет. Не успело девочке исполниться года четыре, как она, в день рождения матери, вынесла во двор старый табурет, заставила всех гостей замолчать и, забравшись на колченогую импровизированную сцену, долго и выразительно исполняла популярную детскую песенку про день рождения Чебурашки и крокодила Гены.

Гости одобрительно смеялись, одарив новоиспеченную артистку криками «браво» и бурными аплодисментами. Люська, зардевшись от удовольствия, навсегда запомнила сладкий вкус успеха, и с тех пор ни одно мероприятие в их семье или домах их друзей и соседей не проходило без ее активного участия.

В школу рыжеволосая артистка пришла, как и положено, в семь лет. Войдя в класс, осмотрелась и, выбрав первую парту, решительно уселась за нее, оглядела притихших одноклассников.

– Ты тоже садись со мной, – милостиво кивнула она светловолосой девчужке с большими серыми глазами.

– А ты не командуй, – взбрыкнула та. – Сама выберу, где сидеть.

– Я с тобой дружить буду, – озадаченная Люська изумленно уставилась на светловолосую бунтарку. – Садись.

– Ладно, – девчужка вдруг широко улыбнулась. – Я тоже буду с тобой дружить.

С того памятного дня этих двоих разделить стало невозможно: дежурили в классе вдвоем, уроки учили вместе, по очереди ходили обедать то в один дом, то в другой, квартиры убирали тоже вместе. Соседи диву давались: вот ведь как бывает, такие маленькие, а понимают, что друг без друга пропадут.

Девчонки и правда стояли друг за друга горой, спуску обидчикам не давали, увлекались музыкой, литературой и биологией.

Однажды на уроке физкультуры эти две егозы, чтобы доказать всем, что они лучшие, залезли на канат в спортзале и просидели на нем два часа. Учитель физкультуры, позеленевший от волнения, не выдержал и побежал за директором школы, держась за сердце. А они, пока учитель отсутствовал, сползли с каната под одобрительные крики одноклассников и спокойно отправились домой.

Другой раз, плавая в реке, хулиганки решили напугать местную малышню и спрятались за камышами. Как только ребяташки-дошкольники вошли в воду, девчонки завывали страшными голосами, застонали, заскрежетали... Дети кинулись врассыпную, а один из них, поскользнувшись на мокром берегу, упал и сломал руку. Что было после, о том история умалчивает, но родителям их пришлось несладко: ходили извиняться, писали объяснительные, носили подарки семье пострадавшего.

Мама Настены долго плакала, стыдясь соседей, ругала дочь, объясняла и требовала... Настя, опустив голову, обещала так не поступать, хотя в глубине души удивлялась, с чего вдруг поднялась такая бурча.

Люська так и вовсе выразилась коротко и ясно:

– Подняли панику. Сами виноваты. Шутки не понимают.

С возрастом девчонки утихомирились, стали спокойнее, разумнее, добрее. Дружба их, родившаяся в первый день учебы, до сих пор жила и процветала.

Люська, мечтающая о карьере артистки, все-таки не рискнула поступать в театральное училище, трезво оценив свои способности. Собрав вещички в чемодан, она самостоятельно отправилась в областной центр и отдала документы в культпросветучилище. За время учебы подрабатывала и официанткой, и домработницей, и няней...

Работы Люська не боялась, но несправедливости терпеть не могла, поэтому долго на одном месте не задерживалась. Зная, что не сможет промолчать, сто раз давала себе слово не лезть в чужие дела, прикусывала себе язык, когда чувствовала, что вот-вот сорвется, но ничего не помогало. Если кто-то в ее присутствии поступал не по совести, она, не сдержавшись, рубила с плеча то, о чем другие молчали. Людям это не нравилось, ее одергивали, делали замечания, увольняли... Она плакала, опять клялась себе держаться до последнего, но всякий раз, заметив подлость, хитрость или нечестность, вступала в бой, отстаивая нарушенную справедливость.

– Чего ты лезешь? – укоряла подругу Настя. – Тебя кто-то спрашивал? Тебя это совсем не касается...

– Да это же скотство, – возмущалась строптивая Люська. – Как так можно?

– Значит, можно, – пыталась унять ее Настя. – Какое твое дело?

– Но это паскудство полное, – Люська гневно топала ногами. – Если человек ответить не может, разве можно с ним так поступать?

– Боже, тебе хоть кол на голове теши, – устав с ней бороться, отмахивалась Настя. – Ты ж ничего слышать не хочешь...

Училась Люська три года. На занятия в училище ездила на трамвае. Ехать приходилось долго, и она, войдя в трамвай, всегда старалась занять место у окна. Прильнув к стеклу, с любопытством осматривала город, изучала улицы по ходу своего маршрута, разглядывала лица пассажиров. Как-то ее внимание привлек такой же рыжеволосый, как она, парень, который сидел в кресле водителя. Серьезный и сосредоточенный, он внимательно следил за дорогой, с пассажирами не беседовал, ни на что не отвлекался. Однако было в его облике что-то такое милое, смешное и трогательное, что девушка, однажды выделив рыжеволосого водителя из безликой толпы, уже не могла отвести от него глаз.

Впервые увидев его, она тут же пересела поближе и всю дорогу, как замороженная, его разглядывала. Рыжий парень, не замечая странную пассажирку, спокойно делал свое дело: объявлял остановки, открывал и закрывал двери, следил за движением.

Несколько дней подряд после их первой встречи девушка долго стояла на остановке, дожидаясь нужного трамвая. Внимательно глядела на водителей очередного вагона, но рыжего парня встречала нечасто. Возможно, он работал на других маршрутах или его рабочие смены не совпадали с ее графиком.

Люська почему-то расстраивалась и с завидным упорством продолжала ждать его появления. Привыкшая мыслить образами, она мысленно стала называть незнакомца Грибком, потому что на его кабине была наклеена яркая копеечная репродукция, изображающая лесную поляну, усыпанную грибами. Эта дешевая картинка вызывала у Люськи умиление и напоминала ей дорогие сердцу деревенские места.

Теперь дорога в училище и обратно стала напоминать некий квест: девушка, отправляясь в путь, загадывала, встретит ли сегодня Грибка. Она терпеливо ждала очередной трамвай и пыталась заранее угадать, кто сидит за рулем.

Но потом Грибок пропал. Прошла неделя, вторая, третья... Он все не появлялся. Подъезжающими трамваями управляли то женщины, то грузные дядьки, то молодые парни, но обаятельного рыжего Грибка никто не мог заменить. Люська даже загрустила, словно потеряла нечто важное и осязаемое.

Но ведь человек только предполагает, а Бог располагает... Мы только мечтаем и планируем, а судьба уже все просчитала и решила за нас.

Как-то, зайдя в супермаркет, Люська на входе буквально лоб в лоб столкнулась с рыжеволосым водителем. Остолбенев от неожиданности, она остановилась, создав «пробку» в дверях. Покупатели заволновались, зашумели, а она, перегородив проход, все стояла и стояла, улыбаясь во весь рот.

– Что такое? Проходите, девушка, – Грибок удивленно глянул на нее. – Простите, мы знакомы?

– Да, – она глупо хихикнула, – знакомы давно и близко.

Парень совсем растерялся, жутко покраснел, боязливо оглянулся на толпящихся рядом прохожих.

– Давайте отойдем... Освободите дорогу.

Они вышли на улицу.

Слово за слово, и разговор, словно ниточка, потянулся, закрутился, смотался в клубок... Робко вспыхнули недомолвки и улыбки, намеки и надежды. Полуслова сложились в предложения, а они обросли целыми фразами. Все, что не произнесли губы, досказали глаза и прикосновения.

Они познакомились, стали общаться, встречаться, сближаться. И, к удивлению друзей и родителей, месяца через четыре поженились. Люська, получив, наконец, так страстно желаемое, сразу успокоилась.

Перебирая его рыжие волосы, она нежно целовала избранника в рыжую макушку и любовно шептала:

– Грибок мой ненаглядный! Представляешь, какие дети у нас получатся? Как лучики солнца. Рыженькие, веснушчатые, озорные, словно солнечные зайчики!

Новоиспеченный муж к ее словам относился без энтузиазма.

– Что ты, Люсьена, какие дети? Дай хоть молодостью и свободой насладиться в полной мере! Нет, к детям я еще не готов, жертвовать ради них ничем пока не хочу!

Сердце у Люськи испуганно екало, но она, прижавшись к мужу, робко продолжала гнуть свою линию:

– А когда будешь готов?

– Чего пристала? – Грибок откидывался на спину, довольно ухмылялся. – Разве плохо тебе со мной? Зачем нам еще какая-то обуза?

Люська, затаив дыхание, переваривала услышанное и, несмотря на свою сумасшедшую любовь, пыталась протестовать:

– Разве дети – обуза? Как же без них? Для чего жить-то без детей? Для чего?

Грибок мгновенно раздражался, досадливо отворачивался к стене и сразу засыпал, а Люська, глядя в потолок, долго маялась без сна и смахивала непрошенные слезы разочарования.

Эти разговоры продолжались довольно долго, но, к сожалению, безуспешно. Люська, упрямая и настойчивая, поначалу даже не сомневалась в своей победе. Она считала, что непременно убедит мужа в своей правоте.

Маме, которая тоже мечтала о внуках от единственной дочери, она так и говорила:

– Подожди немножко, мамочка, не торопи события. Все наладится. Мужики всегда позже взрослеют, он просто боится ответственности. Это нормально.

– Да ведь он уже не мальчик, – хмурилась мама. – И потом... Дети – это же такая радость!

– Ой, мама! Я тебя умоляю, – недовольно фыркала Люська. – Он сам настоящий ребенок еще...

Но, втайне от мамы, она порой недоумевала: «И чего он так упирается? Может, просто не любит меня? Ведь от любимого человека всегда хочется детей?»

Зима сменила осень. За весной пришло лето. Бежали, не останавливаясь, дни и ночи. Из дождей рождались буйные метели, отцветала сирень, опадала черемуха, золотой ковер осени заваливало сугробами. Февраль грыз землю морозами, август одаривал арбузами...

А Грибок все не сдавался. Не соглашался. Не уступал.

Люська, исчерпав все возможные аргументы, вдруг будто прозрела. Поняла, что все ее потуги напрасны. Она внезапно осознала, что любимый муж не стремится стать отцом, не горит желанием иметь большую семью. Он, словно непробиваемая скала, не то что не чувствует ее боли, не отзывается на ее слова, а даже и слышать их не хочет...

У Люська словно пелена с глаз упала. Ей открылось вдруг то, что было шито белыми нитками и давно уже казалось очевидным всем, кроме нее. Простившись с иллюзиями, девушка долго и отчаянно плакала на плече у любимой подруги, горевала вместе с мамой, расстроенной больше, чем дочь, и, наконец, приняла трудное решение.

Рассталась Люська с Грибком буднично: просто сложила свои вещи в огромный чемодан и, дождавшись удобного часа, съехала на съемную квартиру. Бывший муж не очень-то и расстроился, попыток вернуть жену не делал, лишь один раз перехватил ее по дороге на работу, остановил жестом, не терпящим возражения.

– Люсьена, ты чего сбежала? – смачно сплюнув, поинтересовался он.

Люська, отчаянно сдерживая сбившееся от волнения дыхание, густо покраснела.

– Я не сбежала. Просто ушла.

– Почему ушла? – он явно сердился.

Тут Люська, что называется, закусила удила. Вспыхнув от забурлившей в душе обиды и нахлынувшей злости, она громко выпалила ему в лицо:

– А тебя что больше бесит: что ушла или что не спросила разрешения?

Грибок даже растерялся от неожиданной агрессии, недоуменно потоптался на месте.

– Ну, и черт с тобой! Ушла и ушла. Скатертью дорога, – он повернулся и ушел, не оглядываясь.

Так закончилась первая Люськина попытка стать счастливой. Правда, потом долго душа болела. Долго она маялась, томила, отвыкала, забывала...

Обида ведь быстро не уходит, точит и точит сердце, сковывает волю, покоряет ум и заставляет совершать необдуманные поступки. Человек теряет время, замыкается, тонет в своих обидах. Худеет, бледнеет, болеет. Но, если хватит силы и выдержки, через какое-то время начинает возвращаться к жизни.

Люська целый год ходила, не глядя на прохожих. Улыбаться перестала, аппетит потеряла, домой в село не ездила. Переживала боль свою. Скучала по Грибку. Томила. Потом злилась и нервничала, плохо спала. Старательно вычеркивала из сердца неблагодарного мужа, выбрасывала из памяти его слова, хоронила свою несбывшуюся любовь.

А однажды, проснувшись, вдруг улыбнулась этому миру, встала под холодный душ, выпила крепкого чаю и стала собирать вещи. Поняла она внезапно, что нечего ей делать в чужом краю, коли бог ей здесь счастья не дает. Ведь правду говорят: где родился, там и содился.

Собрала Люська вещи, огляделась, присела на краешек чемодана и, по древнему обычаю, помолчала на дорожку. Улыбнулась грустно.

– Ну, вот и все...

До самого села девушка сосредоточенно глядела в окно на пролетающие мимо дома, леса, луга, поля. И с каждым километром, приближающим ее к родному селу, она словно оживала, пробуждалась и воскресала. Войдя в отчий дом, Люська кинула вещи на пол, расцеловала тогда еще живого отца и заплакала, обняв подбежавшую мать.

– Хватит! Хлебнула я городской жизни, – всхлипнув, заявила она.

Так лучшая Настина подруга опять оказалась в селе. И зазвенел ее смех, и ожил Дом культуры, наполнившись детскими голосами.

Много воды утекло с той поры, а Люська все не менялась. Вот и сегодня, влетев без предупреждения в кабинет Насти, она откинула длинную челку с высокого лба, плюхнулась на стул, испуганно глянула на подругу.

– Настька, что я тебе скажу...

– Ну? – Анастасия нахмурилась. – Чего опять? Окна мыть в Доме культуры позовешь или стеллажи в библиотеке красить?

Люська всполошенно прижала ладошку к груди, словно пыталась унять колотящееся сердце.

– Настя... Тут такое...

– Да говори уже, – подруга тревожно блеснула глазами. – Что случилось-то?

– Ой, даже не знаю, как сказать, – Люська, глотнув воздуха, откинулась на спинку стула.

– Да что такое? С ума сведешь...

– Настька, я беременна, – побледнела от напряжения Люська.

Чувствуя, как сердце покатилося в пятки, Настя зажала рот ладошкой и ошарашенно уставилась на подругу.

– Да ты что? Господи! От кого? – она наклонилась к растерянной Люське. – От него? От этого? От отшельника?

– Ага, – робко кивнула рыжая бестия.

– Ты спятила, подруга? Ой, я не то хотела сказать! Ребенок – это, конечно, здорово! Но от отшельника? Как же так?

– А вот так, – Люська нервно хохотнула. – Раз, и все! Как бывает у обычных людей! Ну, что еще тебе рассказать? Подробности добавить?

– Замолчи, бесстыдница, – Анастасия легонько хлопнула ее по лбу. – Я рада за тебя, ты же давно мечтала о ребенке. Но мы ж его совсем не знаем... Не страшно тебе?

– Я тебе сто раз говорила, что он – замечательный, – Люська светло улыбнулась. – Это вы его не знаете, а я знаю, понимаю, и люблю.

– Любишь? Уверена? – Настя недоверчиво покачала головой.

Люська, задумавшись на секунду, кивнула.

– Да не надо быть уверенной, надо чувствовать, слушать свое сердце. Знаешь, какая у него душа? Чистая, нежная, верная...

– Дурища, ты, Люська, доверчивая, – Настя, смеясь, кинулась обнимать подругу. – Только сразу договариваемся – я буду крестной!

– Конечно, кто же еще...

Длинный июньский день догорал. Большое село готовилось ко сну. То там, то здесь раздавалось тревожное мычание вернувшихся с пастбища коров, где-то лаяли собаки, чутко охраняющие дворовое хозяйство, изредка всхрипывали во сне овцы, сбившиеся в тугую кучу. Над рекой поднимался густой туман, недовольно покрякивали утки, беспокойно раскидывая крылья, что-то шептал камыш да тревожно вскидывался легкий ветерок, бесцеремонно целуя темную гладь воды.

Глава 8

Павел родился в далеком сибирском городке. Крошечном, словно спичечная коробка. Настолько маленьком, что там всего было по одному: одна школа, один детский сад, один магазин продуктов, одна больница. Это даже был не город, а большая железнодорожная станция, пересадочный узел, сортировочный пункт, платформа для остановки пассажирских поездов дальнего следования.

Мама служила дежурной на железнодорожном переезде, обеспечивала безопасный проезд пролетающих мимо грузовых и пассажирских составов, перегон скота через железнодорожные пути, проезд автомобилей. Работа ее, конечно, не относилась к разряду захватывающих или очень интересных, но маме нравилась.

– Романтики в моей работе хоть отбавляй, – смеялась она. – Ночь, вокзал, фонарь... Зато отвечаю за безопасность. И пока я на посту, ничего не случится!

Отец, тоже всю свою сознательную жизнь отдавший железной дороге, скептически кривился.

– Все ноги истоптал я здесь, – бурчал он, – а толку никакого! Ничего за тридцать с лишним лет не изменилось: все тот же полустанок, те же рельсы, те же вагоны...

Отец работал простым обходчиком путей. Километров намотал за все эти долгие годы немало. Вставал чуть свет и шел по рельсам вперед, проверяя наличие и крепость гаек, их соединения, состояние верхнего строения пути, земляного полотна. И в стужу, и в зной, и в грозу отец, поджав губы, шел выявлять неисправности и, если они обнаруживались, искал пути их срочного устранения.

Павел до сих пор помнил, что отец всегда носил яркий желтый сигнальный жилет, и от него всегда почему-то пахло мазутом, сгоревшим деревом или древесным углем.

Мальчишкой Павел любил ходить с отцом на работу. Ему нравилось, что они медленно двигались по железнодорожной насыпи, останавливались, осматривали рельсовые стыки, уби-

рали камни, подбирали мусор. Мальчишке казалось, что интереснее этой работы ничего быть не может.

Чуть позже его увлекла работа матери. Важно оглядываясь на замершие у переезда машины, он стоял возле мамы и глядел на пролетающие мимо вагоны. И казалось парнишке, что все пассажиры состава с удивлением разглядывают его и обязательно радостно улыбаются...

Где-то к седьмому классу Павел осознал, что никого в целом свете не интересует их затерянный в сибирской глуши городок, и никто из пассажиров пролетающих мимо вагонов даже не замечает людей, стоящих у переездов или идущих по рельсам.

Это открытие так огорчило впечатлительного подростка, что он несколько ночей ворочался, мучительно думал, глядя в потолок, о далеких неизвестных городах. Пытался представить, какая жизнь там, куда летят эти волшебные пассажирские поезда.

Учительница математики, которая считала Павла очень способным к ее науке, долго наблюдала за ним, а потом, оставив однажды после уроков, хмуро глянула ему в глаза.

– Так... Рассказывай, о чем все время думаешь?

– Ни о чем, – растерялся Павел.

– Вот я и вижу, что ни о чем. А надо о математике думать. Или ты всю жизнь собираешься здесь провести? Станешь, как отец, путевым обходчиком?

Сама того не ведая, женщина задела парнишку за живое. Испуганно подняв на нее глаза, он упрямо сдвинул брови.

– Ни за что! Я здесь ни за что не останусь!

– Вот-вот, – учительница довольно кивнула. – Но, чтобы уехать куда-то, надо учиться. И не просто учиться, а грызть зубами этот гранит, именуемый математикой. И физику заодно учить. Понял?

– Понял, – парнишка, покраснев от волнения, шмыгнул носом.

– Вот и хорошо, – улыбнулась женщина. – А я тебе помогу, подскажу, объясню. Тебе надо хорошенько учиться, голова у тебя светлая. Мы далеко от столицы живем, а учиться ты именно туда должен поехать. Ты сможешь, только учись, готовься. Серьезно готовься.

С тех пор у Павла появилась цель. Ничего больше его не интересовало: ни хоккей во дворе, ни походы в лес за ягодами, ни драки на переменах, ни пролетающие мимо поезда. Он сосредоточился только на одном – на огромном желании поступить в московский институт.

На выпускном вечере, получив аттестат с пятерками и золотую медаль, он обнял заплаканную маму.

– Не плачь, мам, я в Москву поеду, поступлю. Вот увидишь, поступлю обязательно!

Сказал и сделал! С первого раза поступил в московский университет на прикладную математику. Но поступив, не остановился, не успокоился, а так рванул вперед, что уже к двадцати шести годам не только окончил университет, но и защитил кандидатскую диссертацию, поразив профессоров своим аналитическим умом, неистощимым стремлением к познанию, упрямством в лучшем смысле этого слова, ведущим его к вершинам науки и блестящим открытиям.

В то время как его однокурсники бегали на свидания, кое-как сдавали сессию, танцевали по ночам на дискотеках и в клубах, Павел вздохнул и учился. Все ему было интересно. Он успевал, вплотную занимаясь математикой, посещать лекции на других факультетах, просиживал с утра до ночи в библиотеках и лабораториях, осваивал параллельно несколько языков. Словно голодающий, Павел никак не мог насытиться знаниями, чем вызывал неподдельный интерес у профессоров и недоумение у однокурсников – те откровенно крутили пальцем у виска и скептически морщились, услышав о его новых достижениях.

Девчонки азартно спорили, заключали пари на него, но никому не удалось выиграть. Ни одна из них не смогла увлечь парня, ни с кем он не пошел на свидание, ни с одной не отправился

в ночной клуб. Ему просто это не было интересно, да и время не хотелось тратить на пустые забавы.

В тридцать три Павел защитил докторскую, стал заведующим кафедрой и получил предложение от одного из ведущих американских университетов. Все складывалось так, что дух захватывало. Казалось, ничто уже не сможет помешать его блестящему научному полету. Но жизнь на то и жизнь, чтобы не только дарить и баловать, но испытывать, проверять и наказывать.

В тридцать пять Павел заболел. Странная и непонятная болезнь его поразила всех окружающих. Диагноз никто из врачей поставить не мог. Никто из светил науки не понимал состояния больного, не мог объяснить причин сразившего его недуга.

Просто однажды поутру он, проснувшись, почувствовал, что не в силах встать с кровати. Ничего не болело, но ужасная слабость сковывала каждую клеточку его большого крупного тела. Да так сильно, что ему даже пошевелиться не удавалось. Пальцы, словно ватные, не держали ручку, ноги, будто ниточки, дрожали и подкашивались в коленях. Голова, ставшая непомерно тяжелой, болталась на шее, как китайский болванчик.

Он испугался и запаниковал. Потом, привыкший все держать под контролем, немного успокоился, решив, что переутомился на вчерашней конференции. Мысль о враче поначалу даже не пришла ему в голову.

На следующий день, не обнаружив улучшений, сделал вывод, что простудился или подхватил новомодный вирус. Неделью пытался самостоятельно бороться. Осознав безуспешность, решил, что у него проблемы с сердцем.

Павел пытался логически выяснить, что с ним не так. Дней восемь он, почти не поднимаясь с кровати, все прислушивался к себе, хмуро исследовал результаты невероятной слабости, вычислял самые уязвимые точки, импульсы и сигналы.

Силы убывали. Вскоре, сцепив зубы от ярости, он вынужденно признался себе, что в одиночку не справится. Собрав в кулак волю и оставшиеся крохи физической силы, Павел взял телефон и, не без труда, набрал номер своего дипломного руководителя, который стал за все эти годы не только его наставником, но и самым лучшим другом, близким по духу человеком.

Профессор встревожился не на шутку. Забил во все колокола, поднял все связи, сам вышел из равновесия и привел в смятение знакомых, взбудоражил свою жену, родственников и друзей, заставив их искать нужного врача.словно растревоженный улей, забегали, заволновались, зашумели знакомые, включили нужные связи и отправили к Павлу столько врачей, что им впору было устраивать консилиум, чтобы прийти к общему решению.

Профессора поначалу активно включались в процесс обследования, но когда дело доходило до лечения, потихоньку растворялись, исчезали, недоуменно пожимая плечами. Один из них, правда, самый настырный и дотошный, приехавший по звонку какого-то высокого чиновника, долго и придиричливо осматривал пациента, простучал его всего, заглянул повсюду, проверял импульсы и рефлексы, сопоставлял их между собой и с официально принятыми нормами, но, в итоге, основательно взмокнув от избыточного старания, лишь развел руками.

– Его нужно госпитализировать, – сообщил дотошный доктор.

– Зачем? – ошарашенный наставник Павла изумленно округлил глаза. – Что с ним? Вы можете мне все рассказать, как есть, я не из пугливых.

– Помилуйте, – доктор развел руками, – тут и скрывать пока нечего! И рассказывать не о чем. Вашего друга надо положить на обследование. На первый взгляд, согласно лабораторным анализам и исследованиям его биоматериалов, он здоров, но состояние указывает на обратное. Давайте не станем делать поспешных выводов. Пусть полежит, пообследует.

Но тут уже Павел, измотанный бесконечными осмотрами, ощупываниями, прослушиваниями, заартачился:

– Не лягу я в больницу! Все. Никаких разговоров на эту тему быть не может!

– Да почему же, позвольте спросить? – доктор оскорбленно покраснел. – Вы же хотите выяснить, что с вами происходит?

– Да я там от скуки помру, – Павел устало вздохнул.

– Не помрете, голубчик, – врач привычно скривился в улыбке. – Потом еще спасибо скажете.

Павла уступил уговорам. Его положили в госпиталь. Десять дней изучали со всех сторон, все просветили, проанализировали, отсканировали. Очень старались оправдать доверие и оказать оплаченную услугу.

Но все попытки обнаружить причины невероятной слабости, атрофии мышц и потери аппетита остались тщетными: по анализам Павел соответствовал лучшим мировым стандартам здоровья, прописанным во всех медицинских протоколах, а на деле по-прежнему чувствовал ужасную слабость, постоянное головокружение, отсутствие аппетита и непреодолимую тягучую усталость.

Пройдя через все эти испытания, Павел, основательно потерял былые уверенность и спокойствие, стал молчаливым, замкнутым, перестал бриться, отпустил бороду и подолгу лежал на спине, бездумно глядя в потолок.

Друг его старался изо всех сил: написал в Израиль знакомому доктору, пригласил из Германии академика, потом, чувствуя бесполезность приезжих светил, переключился на народную медицину. Сначала привез целителя, который от осознания своего величия даже улыбаться не мог, потому что боялся разрушить ауру царствования.

Затем, переговорив с женой, привез травницу. Лесная гостья оказалась забавной женщиной: говорила мало, спину держала прямо, ситцевый платок с головы не снимала, не улыбалась, а смотрела на пациента так, будто прожигала насквозь своими черными глазищами.

Павел, увидев ее впервые, испуганно поежился.

– Господи! Что за ведьму ты ко мне притащил?

– Не ведьма она, – приветливо улыбнулся друг, – а самая настоящая волшебница, чародейка! Травами лечит, да еще как! Легенды о ней ходят. Я узнавал, она смертельно больных поднимает! Да еще и гипнозом может подлечивать.

– Гипнозом? – простонал вконец измученный Павел.

– Ну, может, и не гипнозом, но что-то такое в ней все же есть, видел, какие глазищи!

Травницу звали Агафьей. Подойдя в первый раз к кровати больного, она молча взяла стул, поставила его подле пациента, присела рядом и замерла. Словно дышать перестала. Прикрыла глаза, наклонила голову, затихла надолго.

Павел, встревожившись, подумал: «Задремала что ли?»

Агафья, будто угадав его мысль, открыла глаза, провела рукой по лицу сверху вниз, будто сгоняя видение.

– Не сплю я, – неожиданно низким голосом пояснила она. – Информацию твою считываю.

– Откуда считываешь? – мужчина скептически ухмыльнулся и заинтересованно обернулся к ней.

– Откуда надо, оттуда и считываю, – спокойно ответила травница. – Много будешь знать – не доживешь до старости. – Она вздохнула, что-то прошептала, протянула руку и положила неожиданно прохладную ладонь на лоб Павла. – Лежи спокойно. Не бойся меня. Дыши ровно. И ни о чем не думай. Просто лежи. Если захочешь спать – спи!

И он, впервые, пожалуй, за последние несколько недель, вдруг погрузился в глубокий, спокойный, ровный сон. Без ужасов, кошмаров, видений и слез.

Павел спал, словно ребенок. Агафья все сидела и сидела рядом, держа холодную ладошку на его лбу. И лишь изредка она, отнимая руку, истово крестилась и что-то шептала. А потом снова осторожно клала прохладную ладонь на голову спящего мужчины...

Глава 9

Прошло три дня. Павел, пребывающий в странном состоянии перманентного сна и сильной слабости, приуныл – обещанное спасительницей улучшение не наступало. К концу третьих суток, ближе к вечеру, он, нахмурившись, отказался глотать ее зеленоватый отвар.

– Хватит пичкать меня этой горечью, – процедил он сквозь зубы. – Гадость какая-то. Все равно ничего не помогает.

Женщина свернула своими черными глазищами, поправила белоснежный ситцевый платок на голове, повязанный так, как носят крестьянки в поле, и задумчиво поглядела на него.

– Торопишься ты. Очень спешишь. А зря. Суета – это грех. Не спеши, всему в этой жизни свое время, свой час, свое мгновение.

– Так время же уходит, – насутился Павел. – Я и умру так, твоего облегчения дожидаясь.

– Не умрешь, – травница, уверенно качнув головой, привычно поджала губы. – Не волнуйся. Ты живучий, как кошка. А облегчение тебе не я дам, а Господь. Он милостив, просто потерпи.

Прошло еще дня три. Внезапно проснувшись на рассвете, Павел, еще не понимая причины пробуждения, долго лежал, прислушиваясь к царящим звукам.

Рассвет занимался. Уже порозовели шторы и потолок. Тьма, отступая, сгущалась в углах, старательно пряталась за шкафом и комодом. Первый луч солнца, пробившись сквозь задернутые шторы, ласково коснулся щеки Павла, пробежал по лицу и, вспыхнув сотней огненных брызг, отразился в зеркале.

Павел, проследив путь солнечного посланца, улыбнулся. Вдруг, ощутив забытую легкость, испуганно затаил дыхание. Пошевелил ногой. Сжал ладонь в кулак. Приподнялся на локтях... и растерянно замер, чувствуя, как колотится взволнованное сердце.

Ничего не болело. Совершенно ничего! Сила, покинувшая его большое тело, еще не вернулась, но уже исчезло ощущение абсолютной немощности и изнеможения.

Ошеломленный этим открытием, Павел медленно опустился на подушку и тревожно поглядел на дверь. Словно ожидая этого, в комнату тут же вошла Агафья. Взглянув на обескураженного мужчину, она, глубоко вздохнув, медленно истово перекрестилась.

– Ну, все. Слава богу.

– Что все? – Павел озадаченно сдвинул брови. – Что ты там шепчешь?

Агафья наклонилась к нему, тронула лоб рукой и впервые за все это время чуть улыбнулась бледными губами.

– Что надо, то и шепчу. Ты не об этом сейчас думай.

– А о чем?

Травница присела на стул возле его кровати, помолчала и, поправив белоснежный платок, сказала решительно и твердо:

– Послушай, что я тебе скажу... Тебе, Павел, многое от природы было дано. Очень многое. Не к каждому своему чаду вселенная так щедра бывает. Но человек такое существо, которому предписано все дарованное расходовать так, чтобы гармонию внутреннюю не нарушить. Душу сберечь. Во всем должен быть порядок, так не нами заведено. Все должно иметь свое место в жизни: и работа, и друзья, и женщина, и любовь, и семья. Миропорядок такой. Это называется гармонией. Нет счастья тому, кто что-то из этого потеряет по дороге. Ведь тот, кто живет однобоко, стремится не вперед, а назад.

– Как это? – недовольно хмыкнул мужчина. – Как это назад?

– А так, – травница усмехнулась. – Полноценная гармония, духовная и физическая, жизнь продлевает, а маниакальное, кособокое стремление к чему-то одному жизнь укорачивает, убивает энергетику, стирает ментальность, разрушает ауру. Нельзя, отдавшись во власть чего-то одного, спокойно миновать другое, как нельзя обойти законы жизни. Нет счастья и здоровья тем, кто пытается себя обокрасть, обделить, нарушить законы праведности, истерзать свою душу. Это трудно, конечно, понять, особенно таким оголтелым, фанатичным людям, как ты, – она сверкнула своими черными глазищами. – Многих ли ты знаешь, кто, добившись некой призрачной цели, считает себя счастливым, не имея полноценной семьи? Могут ли быть радостны и спокойны те, кто во имя достижения мнимых идеалов и ценностей предают любовь, оставляют детей, ограничивают себя, забывают родителей?

– Но это же совсем другое, – Павел отвернулся к стене. – При чем здесь я?

– А ты когда в последний раз навещал родителей? Когда девушку целовал? Когда в лес ездил? А помнишь ли ты, как пахнет сирень в мае? Как утренняя роса холодит босые ноги? Как поет соловей на рассвете? Что ты видел в своей жизни, кроме формул, задач, теорем, доказательств? Где ты бывал, кроме форумов, конференций, презентаций и лекций? Что ты вообще знаешь о жизни, кроме математических выкладок и бесконечной гонки за призрачными открытиями? Ничего! Ты позабыл настоящую жизнь. Потерял ее вкус. Выключил себя из нормального жизненного русла! Стал математическим сухарем, молодым стариком, телом без души. Душа твоя, Павел, высохла. Поэтому жизненная энергия утекла.

– Ой, какая чушь, – поморщился Павел. – Глупость все это... Фу! Бред сумасшедшего!

– Может, и бред, – Агафья спокойно пожала плечами, – но без моих трав, молитв и ночных бдений ты сейчас бы лежал, как овощ. Помнишь, как не мог ни рукой, ни ногой пошевелить? А отчего это, спрашивается? Не задумывался? Врачи ведь ничего не находили у тебя, а ты все лежал и лежал без движения! Но Бог милостив, он просто показал тебе, дал понять, что не той дорогой ты идешь. В жизни есть много прекрасного, о чем ты даже не подозреваешь и не догадываешься. Вот жизнь... Там, за окном, она настоящая, живая, со своими проблемами и горестями, радостями и удачами. Трудная, но полноценная. Никто ведь не говорит, что это плохо – заниматься наукой. Никто не заставляет тебя бросать математику. Но нельзя так

погружаться, отдаваться всецело, лишать себя счастья. Чтобы полностью исцелиться, восстановиться, тебе, Павел, надо на время отвлечься. Вот о чем речь. Отдохнуть необходимо. Силы потерянные накопить, ощутить дух земли, энергией напитаться. Возродиться. Обновиться. А потом сам решишь, что делать дальше. Бог тебе подскажет.

Мужчина прикусил губы, чтобы не расхохотаться, но все же, не сдержавшись, улыбнулся.

– Агафья, я благодарен тебе за твои усилия, но, прости за откровенность, слова твои напоминают мне каменный век. Это полный абсурд, вздор. Сейчас двадцать первый век, а ты несешь какую-то несуразицу, словно мы лет на двести назад перенеслись. Твои допотопные разговоры вызывают у меня только изжогу. Хватит выдумывать. У меня просто было переутомление. Вот и все.

– Ну, что ж, – Травница, перекрестившись, грустно поглядела на него. – Как говорится, хозяин – барин, тебе решать, насильно же мил не будешь. Но помни: у всего есть свои границы, пределы, возможности. И у здоровья тоже, оно не бесконечно. Помни, Павел: кому много дано, с того много спросится. Береги себя. Подумай над моими словами. Крепко подумай.

Через день Агафья уехала. На прощание, войдя в комнату Павла, она вдруг улыбнулась, поправила свой вечный платок.

– Уезжаю я. Все, что могла, сделала. Не вставай. Не благодари. Денег я не беру за лечение. Хороший ты человек, светлый. Твое восстановление будет лучшей наградой для меня. Помни мои слова. И вот... – она положила на тумбочку клочок бумаги. – Здесь мой адрес. Нужна будет помощь, только попроси.

Агафья молча перекрестила мужчину и, низко поклонившись, быстро вышла, осторожно прикрыв за собой двери.

Павел, сам не понимая почему, долго-долго смотрел на закрывшуюся дверь, словно ожидая, что она вернется. Но Агафья так и не появилась, зато силы стали прибывать. За три недели он так окреп, что не просто поднялся на ноги, но и стал выходить из дома, гулять, даже пару раз съездил на кафедру. Врачи, знакомые и коллеги только диву давались, глядя на него.

Но ведь ничто в нашей жизни, как бы мы ни старались, не проходит бесследно.

Павел стал другим. Даже посторонние отмечали его наполненность непривычными для них эмоциями, взглядами, жестами. Эти внезапные, непонятные перемены коснулись и внутреннего мироощущения, и внешнего вида. И это что-то, совершенно неуловимое, но очень осязаемое, делало Павла непонятым для привычного окружения. Павел, словно чужеродный элемент, чувствовал себя лишним, чужим в своем родном коллективе.

Глядя на молодого профессора, коллеги пожимали плечами и отводили взгляды: он похудел, на висках вдруг появилась легкая седина, под глазами легли густые тени. Борода, которую он так и не решился сбрить, делала его облик загадочным и странным, а мистическая история выздоровления добавляла ему таинственности и многозначительности.

Студенты, коллеги и наставники с интересом и опасением ожидали его возвращения в науку. Он и сам мечтал о возобновлении лекций, семинаров, научной работы, но что-то непонятное, поселившееся где-то в глубине души, то ли отвлекало, то ли тревожило, то ли волновало...

Павел не мог понять, что с ним происходит, но быллой интерес, невероятный азарт и воодушевление, с какими он каждый день торопился на работу, куда-то исчезли. Пропали страстность, запальчивость и кураж, дающие мотивацию и позволяющие двигать науку вперед. Он по-прежнему любил математику, но вдруг с ужасом осознал, что больше нет в нем той безумной увлеченности, благодаря которой он неделями не покидал университет, сидел в библиотеках, пропадал в лаборатории.

Обнаружив в себе эту жуткую перемену, Павел не на шутку расстроился. Даже в дурном сне он не мог представить, что когда-нибудь разлюбит царицу наук – математику, которой отдал столько сил, здоровья и времени.

Что делать дальше, он не знал. Но реально ощущал, что коллеги сторонятся его, студенты смотрят вопросительно и настороженно, будто опасаясь чего-то.

Мрачнее тучи, мужчина ходил по квартире, проклинал и свою внезапную болезнь, и слова дотошной Агафьи, и врачей, не умеющих объяснить происходящее. Злился и на себя, и на своего друга-профессора, где-то откопавшего эту травницу, и на весь мир, ополчившийся против него.

Потом позвонил другу и, не подбирая слов и выражений, вывалил на него все свои обиды, упреки, опасения и обвинения. Однако, тот, только что вернувшийся из заграницы, не растерялся, выслушал спокойно бранный поток и нелестные выражения, отложил все дела и приехал к Павлу с бутылкой вина и головкой итальянского сыра.

– Ну, что? Все мечешься, как зверь в клетке? Маешься без дела?

– Да если бы! – Павел сердито обернулся к нему. – Твоя Агафья меня просто заколдовала. Не смейся... Я теперь уверен, что она гипнозом владеет, с такими глазищами иначе и быть не может!

– Так что? В чем проблема? – друг присел на диван.

– Как жить-то мне теперь? Что делать? – Павел, чуть не плача, хлопнул кулаком по столу. – Силы и здоровье вроде бы вернулись, а для чего они мне? Ничего не хочется, не волнует меня ни теория, ни практика, ни студенты, ни коллеги. Никакие формулы и выкладки не заводят, не воодушевляют. Нет мотивации! Куража нет! Я словно выжатый лимон, понимаешь?

Профессор, внимательно поглядев на него, озабоченно покачал головой.

– Знаешь, Пашка, что я тебе скажу? Серьезно, без всяких шуток и насмешек. Ты плохо выглядишь. Видно, организм хоть и восстанавливается, но медленно, трудно. Может, тебе и правда немного отдохнуть, а? Сменить обстановку, уехать куда-нибудь в глушь, подальше от цивилизации... Это же в любом случае полезней, чем сидеть здесь, в крошечной квартире в центре Москвы, и от злости яростно материться и посуду бить?

– Ты обалдел, что ли? – Павел изумленно уставился на него. – И куда? Куда я поеду?

Но долго думать им не пришлось. Жена профессора, заехавшая за ним после работы, легко разрешила эту задачу.

– Мой прадед еще до войны построил дом на заимке в глухом лесу в Черноземье. Знаешь, что такое заимка? Это расчищенный под пашню участок земли, расположенный вдали, отдельно от других земель деревни. Прадед служил лесником, жил всю жизнь в лесу, почти ни с кем не общался. Характер прадеда, крутой и вредный, не давал ему покоя, не мог мужик среди односельчан жить. Все ему мешало. То девки с парнями слишком громко хохочут у околицы, то коровы совсем луг затоптали, то бабы белье плохо полощут на реке. Вот ведь какой противный мужик был, никому покоя не давал! Поэтому работа стала и его спасением: в лесу ведь можно сколько угодно ругаться, все равно никто не услышит.

– И что? – Павел недоуменно поднял на нее глаза. – Ты и мне прикажешь лесником стать?

– Нет, конечно, – женщина расхохоталась. – Просто есть на свете замечательное место. Уединенное. Безлюдное. Обособленное. Это то, что тебя спасет, я уверена. Ты сможешь подумать обо всем без спешки, окунуться в прошлое и вернуться в настоящее совсем другим человеком.

Павел, вскочив, забежал по комнате. Потом схватился за голову.

– Да кто вам сказал, что я хочу быть другим человеком? Я хочу быть прежним, заниматься любимым делом, писать новые работы, растить студентов. Вот это моя жизнь, и другой я не хочу!

– Подожди, остановись, – женщина, переглянувшись с мужем, предостерегающе махнула рукой. – Что ты валишь все в одну кучу? Чего впадаешь в истерику? Разве кто-то из нас сказал, что ты никогда не вернешься? И разве ты сам не чувствуешь, что эта болезнь, странная и непонятная, послана тебе зачем-то, для чего-то? Я знаю, ты не веришь в предназначения,

предсказания и судьбу, да и мы до последнего времени к этому относились, честно говоря, скептически. Но ведь факт налицо! Ты болел, быть может, умирал, а медицина была бессильна, и только Агафья остановила этот процесс. Как? Я и сама не понимаю, да и никто из нас, я думаю, не понимает. Да и зачем нам это понимать? Для чего разбираться? Просто доверься ей, попробуй, поверь. Если будет плохо, одиноко, некомфортно, ты всегда можешь вернуться. Твое останется твоим в любом случае!

Павел слушал ее, опустив голову. А женщина, чувствуя, что он сдается, тепло улыбнулась.

– Там чудное место. Удивительное. Заброшенное, конечно. Но природа дивная – лес, река, радуга во все небо, птицы поют... Как раз то, что тебе Агафья советовала. Я там была проездом лет пять назад. Дом сохранился прекрасно. Ключи я тебе дам, продукты в селе закупать будешь. Ну? Не жизнь, а малина!

– Пашка, а что? – поддержал супругу муж. – Попробуй! Это шанс, который надо использовать. Замечательный выход! Поживешь на природе, окрепнешь и вернешься к нам с новыми силами. Давай, соглашайся! Ну?

Так Павел оказался в Васильевке.

Огромное село, раскинувшееся между лесов на берегу широкой реки, встретило незнакомца настороженно. Он, правда, и не стремился никому понравиться. Еще не окрепший после странной болезни, Павел доехал на поезде до станции, оттуда на маленьком, ужасно рычащем автобусе, до села, а дальше, на попутке, до лесхоза.

Шофер грузовика, подобранный в селе чужого бородатого мужчину, приветливо кивнул.

– В гости что ли? В наши края москвичи только в гости ездят, да и то нечасто.

Павел, удивленный его доброжелательностью и радушием, растерянно пожал плечами.

– Да вроде и не в гости. Не знаю.

– Ого! – водитель удивленно хмыкнул, сразу перешел на «ты». – Жить, что ли, здесь собираешься?

– Наверное, – смущенно кивнул Павел. – Поживу пока. Там видно будет.

Ему не хотелось объясняться с незнакомым человеком, но и промолчать он не мог, это казалось ему несправедливым и невежливым.

Дотошный водитель, улыбаясь нежданному попутчику, не отставал.

– Извини, мужик, что я на «ты», но раз останешься здесь, привыкай сразу – у нас здесь все запросто. А где жить будешь? Село-то позади осталось. Мы ж в лес едем, ты ничего не перепутал?

Павел понял, что просто так мужчина не отстанет, поэтому нехотя произнес, глядя на петляющую между холмов и деревьев дорогу:

– Я поселюсь в доме на заимке. Знаете? Дом старого лесника...

– Да ты что? – водитель громко присвистнул. – Там же лет сто никто не живет! Вот дела... Дом, правда, крепкий, целый, но запущенный. Там неделю мыть да убирать надо. А ты родственник лесника? Что-то не похож. У них в роду все чернявые, быстроглазые, высокие, а ты вон какой белокожий да светловолосый. Другая порода, иная масть. Не боишься один в лесу? Там ведь вокруг людей нет. Дикие звери, птицы, и все. Тишина.

– Нет, не боюсь, Павел тяжело вздохнул. – Похоже, это именно то, что мне сейчас и нужно.

Водитель, изумленный новоявленным жильцом старого дома и его странными словами, озадаченно замолчал, переваривая услышанное. Минут пятнадцать они ехали молча. Но радушие местного жителя оказалось сильнее удивления, и мужчина, глянув на незнакомца, пожал плечами.

– Ладно, не дрейфь! Я тебя до самой заимки довезу. Подождут в лесхозе, ничего с ними не случится. А то как же тебя бросить тут одного?

Павел, отчего-то очень смутившийся, невесело улыбнулся.

– Спасибо вам. А то и вправду как-то не по себе. Впервые вот так, один на один с природой.

Водитель сдержал слово, довез Павла прямо до заимки, дошел вместе с ним до дома, стоящего посреди двора, огороженного высоким частоколом, осмотрел окна, потрогал двери.

– Ну, вроде все цело, – кивнул водитель и, спохватившись, неловко протянул руку. – Эх, что же я! Я – Матвей. Мы в Васильевке живем. Если что, приходи за помощью. Голубой дом на перекрестке возле школы, найдешь легко. А телефон-то у тебя есть?

– Есть, – усмехнулся Павел. – Да что толку? Здесь, наверное, и связи-то нет.

– Обижаешь, – Матвей недовольно хмыкнул. – У нас еще года три назад вышку поставили. Ловит отлично, здесь, кстати, тоже. Вот проверь.

– Ого, – Павел, глянув на телефон, согласно кивнул. – Значит, мне повезло. А меня Павел зовут. Спасибо вам за все.

– Ты эту привычку городскую бросай, – нахмурился Матвей. – Не дело это! Я ж тебе уже сказал: мы здесь все свои, так что переходи-ка тоже на «ты».

Павел покраснел, а потом усмехнулся.

– Значит, теперь и у меня есть знакомый в Васильевке. Ну, что ж... Приезжай, Матвей, в гости.

Так началась новая жизнь молодого профессора. Новая. Удивительная. И совершенно другая.

Глава 10

Анна, несмотря на начало лета, приболела. Першило горло, закладывало нос, глаза покраснели, как у кролика.

Глянув поутру на себя в зеркало, она присвистнула:

– Ого! Вот тебе и лето. Где же меня угораздило?

Выйдя на кухню в халатике, она хмуро глянула на свою незаменимую хозяйку по кухне Валентину, уже колдующую над кастрюлями, и молча уселась за стол.

– Что это вы так по-домашнему? – удивленно хмыкнула Валентина. – На работу не спешите?

– Не спешу, – вздохнула Анна. – Что-то мне нездоровится.

– Да? – повариха засутилась. – Так может, врача? А то давайте я вам ромашку заварю? Или зверобой?

– Ну, какой еще зверобой, – Анна поморщилась. – Сделайте, пожалуйста, мне крепкого чаю, а я пока чего-нибудь от горла поищу, – она пошла из кухни. – Валя, вы мне на обед рыбки приготовьте. Под соусом, как я люблю.

Валентина, любящая хозяйку, несмотря на ее крутой нрав, ласково закивала.

– Конечно, конечно... И рыбку, и булгур, и салатик ваш любимый. Все сделаю.

В гостиную Анна упала на огромный диван и, утонув в его необъятных подушках, улыбнулась.

– А как хорошо, оказывается, иногда приболеть. Можно дома поваляться, не краситься, не одеваться, прямо вот так в пижаме целый день бродить по дому.

В это время в комнату, вопя от счастья, влетела Сима. Еще не умывшись, не переодевшись, с распущенными по плечам волосами, она радостно кинулась матери на шею.

– Mamochka, ура! Ты еще дома?

Анна, обожающая свою маленькую принцессу, схватила ее в охапку и прижала к себе, вдыхая неповторимый аромат детства, свойственный всем дошкольникам.

– Ой, ты меня задавишь! Я не только еще дома, я сегодня целый день дома... – она увидела вошедшую вслед за дочерью няню, с ужасом глядящую на эту сцену, и тут же поспешила исправиться: – Симуля, отойди, зайка, от меня!

– Почему? – дочь покраснела от обиды.

– Я болею. Горло болит, нос не дышит, видишь, даже на работу не пошла. Отойди чуть подальше. Вдруг заразишься.

– Вот-вот, – Лидия свела брови к переносице. – Вы могли бы, Анна, хоть маску надеть! Сима еще ребенок, иммунитет слабый, а вы ее в объятиях тискаете.

– А я хочу маму обнимать, – Сима недовольно топнула ногой.

Из кухни вышла Валентина. Чувствуя, что назревает скандал, торопливо вступила в разговор.

– Симочка, не обижайся! Пойдем лучше я тебе чайку налью. Твой завтрак готов. Кашка воздушная с ягодами... – она обернулась к взрослым. – Идите, пожалуйста, завтракать. Все остывает.

Анна, чтобы не нервировать строгую Лидию, села за дальний конец стола, но ела мало, больше молчала и слушала щебетание дочери.

– Спасибо, Валя. Пойду я прилягу, слабость какая-то...

– Я к тебе, мамочка, еще приду, – озорно подмигнула ей Сима. – Близко подходить не буду. Просто постою возле двери, ладно?

Все засмеялись этой простодушной хитрости маленькой девочки.

– Это правильно, полежите, – кивнула няня. – У нас сейчас музыка, потом учитель по английскому придет, будем вчерашний негатив убирать, и после прогулки к вам наведемся.

Анна, поднявшись к себе в комнату, посмотрела в окно, полюбовалась своим отражением в большом зеркале, открыла шкаф, постояла в раздумье, потом закрыла его. Легла на кровать, прикрыла глаза, через минуту открыла их и, недовольно нахмурившись, села, привалившись спиной к высокой подушке. Она просто маялась от безделья.

Радость, возникшая утром, быстренько погасла, оставив привкус раздражения и недовольства собой. Анна не умела бездельничать. Лениость казалась ей самым страшным грехом из всех возможных. Она и представить не могла, как можно вот так проваляться в кровати день, два, неделю... Даже сегодня, когда ей нездоровилось, Анна чувствовала себя не в своей тарелке – столько дел пришлось отложить, переговоры перенести.

Не в силах справиться со своей неумной энергией, она взяла телефон, набрала номер секретарши.

– Света, что там у нас?

Вышколенную секретаршу не надо было спрашивать дважды, она понимала свою хозяйку с полуслова, поэтому тут же выдала полный отчет:

– Первый отдел работает с рекламой молочного комбината, как и договаривались, сегодня рассматривают съемку на местности и набрасывают возможные варианты. У них «мозговой штурм». Сидят с десяти утра.

– Хорошо, – Анна удовлетворенно кивнула, – а остальные?

– Второй отдел сегодня на выезде. У них презентация. Они сегодня у заказчика весь день.

– Отлично. А Мирон привез новый контракт?

Светлана, явно очень довольная собой, закивала, позабыв, что Анна ее не видит.

– Привез. На планерке сегодня так интересно рассказывал об этом проекте, о перспективах и возможностях, что мы даже заслушались. Но...

Анна нахмурилась, услышав ее голосе странную нерешительность.

– Что? Говори как есть...

– Да все хорошо. Ничего страшного, – замялась Светлана.

От этого «ничего страшного» у Анны екнуло сердце.

– Что ты мямлишь? – заорала она в трубку. – Завтра уволю тебя к чертовой матери, чтобы нервы мне не трепала. Говори! Ну?

– Ой, простите, – затараторила Светлана. – Дело в том, что я сегодня случайно услышала разговор Мирона с кем-то. Он обещал, что все будет нормально, и просил еще денег за услугу.

– За какую услугу?

– Этого я не знаю.

– Понятно, – Анна подала плечами. – Думаю, это не криминально – с кем-то обсуждать личные проблемы. Но ты молодец!

– Спасибо, – Светлана облегченно вздохнула.

– На здоровье, – Анна шмыгнула носом. – Проклятая простуда! Ну, ладно, работайте. Я сегодня удаленно поработаю, надеюсь, завтра будет лучше. Если нет, позвоню тебе с утра. Все, отбой.

– Выздоровливайте, – успела пискнуть секретарша, прежде чем в ухо ей ударили громкие отрывистые звуки прерванной связи.

Анна, бросив трубку, опять откинулась на подушку и задумалась: «Как летит время! Симочке уже пять исполнилось, мамы нет почти тридцать лет, папа уже десять лет в Ялте живет...»

У жизни свои программы, годовщины, сезоны, вехи. Что ни месяц, то какая-то дата! Приходы, уходы, встречи, потери... День расставания с мужем, год окончания школы, день рождения дочери, дата отъезда отца, день смерти матери... Годовщины, сороковые дни, юбилеи, похороны, встречи и прощания. Вся жизнь – сплошные цифры, личный календарь, свое летоисчисление. Вот так жизнь и проходит. Пролетает. Проносится.

Дни, словно листки отрывного календаря, срываются, ускользают, гаснут, меркнут. Мелькают, стирая память, растворяются в немыслимой дали, становятся призрачными, предаются забвению. Мы забываем порой то, что казалось незбылемым и нерушимым: имена учителей и одноклассников, лица однокурсников, названия улиц, номера домашних телефонов... Потом забываем дорогие черты любимых, не помним их голос, походку и привычки...

Память безжалостна и неумолима. Она сама решает, что забыть, а что помнить. Что сохранить, а что уничтожить. И, оглядываясь назад, мы порой с ужасом осознаем, что потеряли в этой жизненной суматохе что-то важное, упустили что-то главное, отказались от самого заветного...

Анна вздохнула и вдруг почувствовала, как горячая слезинка выкатилась из глаза и поползла по щеке. Так всегда бывает. Стоит ей подумать о матери, которой она не знала совсем, сразу становится так тяжело, будто кто-то душит, давит на грудь, сжимает сердце.

Чтобы не расстраиваться, Анна достала телефон и набрала знакомый номер. На другом конце никто долго не отвечал, но она упорно ждала, спокойно слушая равнодушные гудки в трубке.

Ее упорство вознаградилось сполна, когда она, наконец, услышала долгожданное:

– Да?

– Папа! – она всхлипнула. – Боже мой, как я соскучилась! Почему ты трубку не берешь так долго?

– Что такое? Ты плачешь, Анечка? – встревожился отец.

– Нет, просто очень соскучилась!

Отец, чуть успокоившись, заторопился, по привычке экономя ее время и деньги:

– Как Серафима? Что делает? Подросла, наверное? Когда приедете?

Вопросы так и сыпались...

Анна, улыбаясь, не спеша, обстоятельно, рассказывала отцу о своих новостях, об успехах Симы, о планах. Отец слушал внимательно, все уточнял, восторгался успехами внучки. О себе рассказывал скупой, напомнил об обещании погостить у него этим летом. Потом, спохватившись, опять заторопился, стал прощаться и, наконец, передав Симе тысячу приветов и поцелуев, повесил трубку.

Поговорив с отцом, Анна вдруг ощутила, что настроение заметно улучшилось. Конечно, отца ей не хватало, что и говорить. Хотелось, как в далеком детстве, подбежать к нему, уткнуться в плечо, ощутить запах знакомого одеколона, услышать его ровное спокойное дыхание...

Анна всегда знала, что отец – ее главный защитник и поддержка.

Конечно, в их семье верх держали не мужчины. Всегда и во всем безоговорочно главенствовала бабушка, властная и строгая, не позволяющая никаких вольностей и слабостей, не допускающая даже мысли о лени или разгильдяйстве. Ее власть никогда никем не оспаривалась, никто даже не пытался ей противоречить или противостоять.

Бабушка, уверенная в себе, неукротимая в порывах, неудержимая в желаниях, всегда определяла дальнейший путь развития и жизни семьи, сама решала, кто чем будет заниматься, что носить и как питаться. Ее авторитарность подавляла мужчин, иногда пугала и раздражала подростковую внучку.

По мере взросления Анна периодически пыталась взбрыкивать и настаивать на своем, но любимая бабушка, при всей своей необъятной любви к единственной внучке, деспотично указывала ей на ее место. Надменная и всесильная бабушка приучила и мужа, и сына к полному повиновению, и терпеть не могла своеволия и инициативы.

Отец, мягкий и добрый, но слабовольный человек, всегда шутил, узнав о плохих оценках или опрометчивых поступках дочери: «Ой, Анька, держись! Бабушка узнает – запилит...» А когда дочка стала старше, он, заметив ее упрямство, жесткость, и мужскую хватку, однажды так и сказал: «Господи! Еще она на мою голову. Это, дочка, у тебя от бабушки. Больше не от кого. Ты вся в нее – просто мужик в юбке».

Их семья вообще сильно отличалась от семей ее одноклассников. Как гласило семейное предание, мама умерла, когда Ане едва исполнилось полгода. О ее смерти отец не любил говорить, сразу краснел, опускал голову, начинал волноваться, заикаться, теряться, расстраиваться. Ане всегда казалось, что он чего-то очень боится, поэтому и не хочет говорить на эту тему.

Зато бабушка, услышав только имя покойной невестки, сразу вставала в позу бойца, готового и к обороне, и к нападению, и безоговорочно прекращала любые воспоминания и расспросы: «Чего это вы завели похоронную песню? Хватит нюни распускать. Что было, то было. Нечего старое ворошить. Все давно быльем поросло».

Когда Анна, став подростком, однажды, накануне маминого дня рождения, попросила у отца вспомнить, что мама любила больше всего, бабка вдруг резко обернулась и к ней:

– А что тут вспоминать? Она только и умела, что рыдать да слезы лить. Настоящая клуша была!

И тут отец, пожалуй, впервые за все эти годы, не выдержав, вскочил со стула:

– Прекрати, мама! Как не стыдно! Как ты можешь? Аня ее дочь, что ты говоришь, подумай!

– А что тут думать, – мать бросила презрительный взгляд на сына и хлопнула ладонью по столу. – Ты сам вляпался. Спасибо, что мать рядом была, спасла тебя от этой деревенской обузы. Окрутила она тебя, дурака, женила на себе. А ты и рад был, распустил нюни. Хорошо, что я никогда голову не теряю. А то пропал бы и вовсе со своей идиотской любовью.

Анна, конечно, бабушку любила, но в такие минуты начинала отчаянно ее ненавидеть. Затыкала уши и убегала в свою комнату, падала лицом в подушку и рыдала горько и безутешно.

Отец обычно потихоньку заходил в ее комнату, садился рядом, гладил по спине и плечам, перебирал ее светлые волосы.

– Анют, перестань, – шептал он чуть слышно. – Доченька, не плачь. Бабушка у нас хорошая, она же для нас старается. А то что характер у нее жесткий, что тут поделаешь... И тебя она обожает, ты у нее одна звездочка!

Девочка затихала, потом поднимала заплаканное лицо от подушки:

– Почему она такая? Почему маму так не любит? Она же все равно уже умерла. Почему бабушка так зло про нее говорит?

– Так уж получилось, – опускал голову отец. – Вырастешь – поймешь. Я и сам виноват. А мама у тебя хорошая была. Слышишь, доченька? Очень хорошая. Не верь никому!

Но говорил он это шепотом, озираясь и оглядываясь на дверь, словно опасался, что мать войдет в комнату и услышит.

Жили они всегда обеспеченно. Бабушка была референтом в министерстве связи и коммуникации, дед – известным адвокатом. Достаток превышал их потребности, поэтому они позволяли себе и некоторую роскошь, хотя не выставляли на всеобщее обозрение свое богатство. Бабушка обожала бриллианты, дорогую мебель из карельской березы, китайский фарфор, норковые манто и черную икру. Дед, в силу своего положения, не отставал от жены: носил английские костюмы-тройки, французские шляпы, туфли ручной работы и обожал часы швейцарской фирмы «Таг-Хойер».

Их единственный сын Василий, Анин отец, рос на удивление мягким, добрым и впечатлительным ребенком, обожающим литературу и искусство. Не оставалось в Москве ни единого музея, галереи или выставочного зала, где бы он ни побывал в школьные годы, поэтому никого не удивил его выбор. После очень успешных экзаменов в школе мальчик легко поступил на искусствоведческий факультет.

Мать выбору его не препятствовала, чему все знакомые несказанно удивлялись.

– А что ему оставалось, с его характером? – говорила она. – Лучше бы, конечно, в медицинский пошел, толку бы для семьи больше было, но какой из него врач? Он же всех бесплатно лечить станет. Пусть уж на картины смотрит, лекции читает, рецензии на спектакли пишет. Это он умеет, а значит, будет счастлив.

Несмотря на адвокатский авторитет деда, его компетенцию и повсеместную известность, в доме всем заправляла бабушка. Очень властная, она, обожая Анну, старалась не проявлять своей слабости, считая это большой глупостью. Однако жизненных благ и материальных ценностей для Анны не жалела: одевала девочку так, что сверстницы от зависти бледнели, возила ее по стране и за границу, когда стало возможно, брала учителей самых дорогих и модных, обучая внуку языкам и музыке.

Когда дед умер, бабушка поначалу приуныла. Накупила черных траурных платьев и блузок, решив для себя соблюдать траур полгода. Сказала – сделала. Ровно шесть месяцев носила черное, но выглядела в этих обновках так изысканно и утонченно, что люди стали говорить, что траур ей к лицу.

Однако через полгода она, с честью выдержав данное себе слово, достала из шкафа все черное и траурное, сложила эти вещи в чемодан и убрала его на антресоли, словно подвела черту и поставила точку.

Так, втроем, они жили еще долго, пока Анне не исполнилось двадцать. Бабушка по-прежнему держала дом в своих руках, строго следила за рационом и поведением домочадцев, требовала соответствия положению и фамилии. Годы словно и не брали ее, но всему свое время...

Бабушка умерла внезапно, во сне, в одночасье осиротив и сына, и внуку. Вместе с ее уходом из семьи ушли деспотичность, жесткость и властность.

Вдруг сразу все переменялось. Они ели не вовремя, а когда хотелось, на их столе появились непозволительные, до сегодняшнего дня, продукты, вещи из химчистки не забира-

лись, терялись ключи. Они громко разговаривали, не выключали в прихожей свет, смотрели допоздна телевизор, ходили, не разуваясь, по паркету, покупали запрещенную одежду.

Отец, давно мечтавший о домике у моря, наконец, осуществил свою мечту, купил домик в Ялте и уехал туда.

– Работать можно везде, – сказал он дочери на прощание. – Я – искусствовед, к одному месту не привязан, а книги писать можно и на берегу моря. Хочу свободы, воздуха и одиночества. Столько лет дышал через раз, теперь хочу дышать так, как душе угодно.

Анна, вдруг тоже получившая эту самую пресловутую свободу, даже растерялась сначала от ее количества. Благо, что она уже училась в университете на третьем курсе, поэтому полученная независимость, за которую она так долго боролась, не испортила ее, а просто сделала чуть раскованнее, непринужденнее и естественнее.

Глава 11

Лето набирало обороты. Июнь, ароматный, знойный, цветущий, плыл над землей, щедро одаривая сельчан теплом, первыми трелями соловьев и редкими, но обильными, ливнями.

В палисадниках возле домов уже буйствовали привычные сельскому глазу гвоздика, ирис, садовая ромашка, лиатрис, наперстянка, виола и флоксы. Аромат их будоражил, заставлял останавливаться прохожих и с удовольствием вдыхать невероятный запах, пропитанный природным благовонием и какой-то особой сладостью.

День теперь заметно удлинился, вечера стали долгими, прозрачными и очень теплыми. Огромное солнце, совершившее каждодневный круг, уже не спешило скатываться за горизонт, а все упорнее цеплялось за небосклон и любовалось вмиг похорошевшей землей. Закаты, яркие и медлительные, поражали полыхающими зарницами, багровыми сполохами и невероятной предзакатной тишиной...

Даже птицы переставали щебетать и петь в ожидании того таинственного мгновения, когда уставшее солнце, вздохнув, наконец, начнет неспешное погружение в недра горизонта. Природа замирала в предвкушении этого каждодневного таинства. Но едва только разморенное притомившееся светило легко касалось заветной черты, отделяющей сегодня от завтра, как тут же, словно по мановению волшебной палочки, начинал синеть воздух, сгущались сумерки, и легкий ветерок озорно пробегал по глади реки, стремительно улета в уже темнеющую даль...

И вечер, наконец, дождавшийся своего законного часа, полноправным хозяином шел по затихающему селу.

Дмитрий, глянув на темнеющее небо, тяжело вздохнул. Вот и еще один день пролетел. Как десятки и сотни таких же одиноких равнодушных дней.

Он подошел к калитке Настиного подворья, медленно открыл ее и, сообразив, что хозяйки до сих пор нет дома, неспешно прошел по двору и присел на крыльцо. Задумавшись, просидел минут двадцать.

В соседнем дворе, отделенном от Настиного участка лишь невысоким плетнем, скрипнула дверь, и хозяйка Галина Митрофановна вышла во двор с тазом выстиранного белья. Она вразвалку подошла к натянутым веревкам и стала аккуратно, очень старательно развешивать мокрые вещи.

Митька, приподнявшись с крыльца, громко кашлянул... Митрофановна, ойкнув, испуганно оглянулась.

– Митька! Фу, идол, напугал. Ты чего на чужом дворе делаешь?

– Теть Галь, разве я чужой здесь? – Дмитрий подошел вплотную к плетню и улыбнулся.

– Да ну тебя, Митька. Конечно, не чужой, но ведь доведешь меня до инфаркта своими ночными похождениями. Ты зачем пришел-то? Настя наверняка еще в своей амбулатории сидит.

– Теть Галь, замучился я совсем, – Дмитрий взъерошил светлые волосы. – Разве это жизнь? Утром придешь – еще спит. Вечером придешь – еще на работе. Припозднишься – уж опять спит. Ни поговорить, ни увидаться, ни новостями поделиться. Будто на разных планетах живем.

Митрофановна, отставив таз с бельем в сторону, деловито подбоченилась.

– Да ведь, она тебе, Митька, не обещала сидеть у окошка и ждать твоего появления! У нее работа вон какая: то одному плохо, то другому. То порежется кто-то, то обожжется... Сам знаешь, один медик на такую прорву людей – попробуй усяди на одном месте!

Дмитрий опустил голову, помолчал, а потом сверкнул повлажневшими глазами.

– Никому другому бы не сказал, а тебе, теть Галь, скажу. Не могу жить без нее, просто сил моих нет! Доведет она меня – задушю своими руками...

Митрофановна испуганно ахнула, свернула пополам мокрое полотенце и сердито замахнулась им на парня.

– Ах ты, ирод! Я тебя сейчас как тресну по башке твоей дурной, чтобы глупости не болтал!

– Да пошутил я, – Митька, хохоча, отскочил он налетевшей на него соседки. – Теть Галь, ты ж меня с рождения знаешь, разве я могу Настьку хоть пальцем тронуть?

– Вот только то, что с малолетства знаю, и спасает тебя от гнева моего кипучего. Паразит такой! Ишь что придумал! Да я за Настюшу любого сама придушу, понял?

– Все, все, все, – Дмитрий, громко смеясь, поднял вверх руки. – Сдаюсь! Каюсь, обещаю больше не пугать тебя. Мир?

– Ладно, – усмехнулась соседка, бросив мокрое полотенце в таз, – мир. Куда ж от тебя денешься?

Отворилась калитка, и Настя, вернувшись домой, удивленно сдвинула брови.

– Вот так явление! Что за сбор у вас тут? И почему у меня во дворе?

– Настюша, наконец-то, – всплеснула руками Митрофановна. – Что это за манера такая – до ночи работать? Не жалеешь себя!

– Да что случилось-то? Что у вас здесь? – Анастасия озадаченно пожала плечами.

– Вон Митька рыдает по тебе. Слезы льет горькие, стонет на всю улицу. Сказал, что помрет скоро без твоей ласки!

– Ну, ты, теть Галь, и выдумщица, – прыснул в кулак Дмитрий и повернулся к Насте. – Не слушай ты ее. Я поговорить с тобой хотел. Вот ждал тебя здесь, сидел на крыльце, а Митрофановна бучу подняла.

– Господи, – устало вздохнула Настя, – вот что вам неймется? Нет на вас утомону. – Она прошла по участку, подошла к соседке и протянула ей упаковку лекарств. – На, теть Галь, возьми, из города таблетки тебе привезли, я заказывала. Принимай по одной утром после еды, поняла?

– Поняла, милая моя, спасибо, – поспешно закивала Митрофановна.

Настя утомленно повела плечами, будто стараясь сбросить усталость.

– Митька, может, завтра поговорим? Ну, правда! Устала ужасно. Сегодня столько пациентов было... Одну бабушку с утра в район возила, потом несколько капельниц по расписанию, а тут еще женщина с Заречной улицы рожать вздумала, пришлось опять в город ехать. Круговерть!

Митрофановна сложила руки на груди и жалостливо поглядела на свою соседку.

– Ах, ты ж... Беда какая! Замучилась ты совсем. Ну, иди ужинай что ли. А то упадешь совсем от усталости.

– Успеешь еще поесть, давай поговорим, – стоял на своем Дмитрий. – Кто знает, когда я в следующий раз тебя поймаю в добром настроении. Вечер долгий, еще отдохнешь.

Настя, сообразив, что он все равно не отстанет, обреченно присела на верхнюю ступеньку крыльца.

– Ну, давай поговорим. Начинай.

Митрофановна, повесив белье, пожелала им доброй ночи и торопливо вошла в дом.

Уже почти стемнело. Гремели цикады, отчаянно стрекотали кузнечики, где-то сонно гавкнула собака. Большое село медленно отходило ко сну, погружалось в ночь, успокаивалось и затихало.

Настя, посидев в ожидании несколько минут, нетерпеливо подняла глаза на Дмитрия.

– Ну, что? Так и будем в молчанку играть? Ты же говорить хотел...

Дмитрий взъерошил белобрысые волосы, опустил голову, а потом, вдруг махнув рукой, резко встал с крыльца.

– Ладно, пойду я...

– Господи, семь пятниц на неделе, – Анастасия насмешливо поджала губы. – Ты чего такой хмурый? Какая муха тебя укусила? То хочу говорить, то не хочу... Митька, ну? Что с тобой? – Она тоже встала со ступеньки, подошла к нему и ласково тронула за плечо. – Ты чего как ежик?

И тут Дмитрия словно прорвало...

– А каким мне быть, скажи на милость? Нежным и ласковым? Я-то не против, да ведь ты сама не позволяешь! Настя! Сколько можно в прятки играть?

Анастасия удивленно отшатнулась и сердито заглянула ему в глаза.

– Ну-ка! Посмотри на меня! Ну, что видишь? Я уже давно не та девочка, которой ты носил портфель. Мне тридцать один год, я взрослая женщина. И я не могу по указке любить или ненавидеть, ласкать или угождать. Чего ты ждешь? Разве я обещала тебе любовь до гроба?

– Ты никогда не любила меня, – Митька от обиды сжал руки в кулаки, – никогда!

– Неправда, – Настена покачала головой. – Я всегда любила тебя и сейчас люблю, но как брата. Как лучшего друга. Как самого близкого и родного человека. Слышишь?

– Нет, не слышу, – он схватил ее за плечи. – Не хочу я этого слышать! Что мне от такой твоей любви?

– Митька, давай не усложнять, пожалуйста, – Настя медленно высвободилась из его рук. – Я тебе ничего не обещала и не обещаю. Приходи, когда хочешь, чувствуй себя здесь как дома. Но только на правах друга. Во всяком случае, пока. А там жизнь покажет.

Митька постоял, обернулся, видно, хотел что-то ответить, но, передумав, резко отвернулся и пошел к калитке. Анастасия удрученно глядела ему вслед, но тоже молчала...

Уже открыв калитку, Дмитрий обернулся.

– А крыльцо у тебя совсем покосилось, и дверь у сарая сорвалась с верхней петли. Я в субботу приду, сделаю. А то все развалится без хозяйских рук.

Настя облегченно выдохнула, поняла, что он не сердится, и легко улыбнулась ему вслед.

– Спасибо! Чтобы я без тебя делала? Митька, мир? – крикнула она, улыбаясь.

– Да мир, мир, – махнул он рукой и, расправив плечи, зашагал к своему дому.

Было далеко за полночь, когда Настена, наконец, добралась до кровати. Уже лежа на прохладной подушке, она, засыпая, прошептала: «День и ночь – сутки прочь... Все. Спать...»

Глава 12

Павел, поселившись на заимке, трудно привыкал к новому быту. Все непривычное казалось ему неправильным, неудобным, неприятным. Трудная крестьянская работа тяготила, отсутствие городских удобств поначалу ужасало, одиночество пугало. Но ведь не зря говорят, что человек ко всему привыкает: и к хорошему, и к плохому. Просто к хорошему привыкаешь быстрее, а к плохому – труднее, медленнее. Но потом перестаешь думать, страшиться и хмуриться, а только делаешь то, что нужно, и постепенно втягиваешься, обживаешься, смиряешься. Все, что доставляло неудобство и затруднение, незаметно становится естественным и обычным.

Первый день после своего приезда Павел плохо помнил. Как в немом кино мелькали черно-белые кадры хитрой памяти, осмыслить которые никак не удавалось. Он только помнил, что ужас – первое чувство, поселившееся в голове после приезда.

Выйдя утром во двор, огороженный высоким частоколом, мужчина с интересом огляделся: огромная территория, заросшая сорняками, дикой ромашкой, крапивой. Прямо возле крыльца расположился большой рубленый колодец с ведром, прикрученным к высокому валику с ручкой. Павел подошел ближе, открыл потемневшую деревянную крышку колодца и, отчего-то волнуясь, заглянул внутрь. Где-то далеко-далеко внизу плескалась вода, остро пахло сыростью и прелью. Павел, наклонившись, зачем-то крикнул: «Эй!»

Гулкое эхо, уставшее от вечного одиночества, радостно подхватило его окрик и ответило раскатиистой россыпью: «Э-э-э-й-й-й-й-й-й!»

Поодаль, за домом, высился сарай. Довольно крепкий, сложенный, как и дом, из огромных бревен, потемневший от времени, но даже не покосившийся. У забора слева расположилось еще одно строение, похожее на загон для скота, а за ним – туалет. Обычный, деревенский, уличный...

– Да, удобства здесь, конечно, доисторические, – вслух произнес Павел.

Во дворе, давно не ухоженном, мужчина нашел старую телегу под навесом, большое корыто, в котором давным-давно стирали белье или мыли детей, истертую, чуть проржавевшую стиральную доску, большой дровяной самовар, топор, затупившийся без работы, и пилу с обломанными зубьями. Еще кое-какой мелкий инструмент валялся на полках сарая. А в большом шкафу в чулане Павел, к своему изумлению, нашел даже тулуп, отлично сохранившийся, но очень пахнувший табаком, и валенки, совершенно съеденные прожорливой молью.

На древнем сундуке, стоящем в углу, лежали, словно специально для него приготовленные, подушки. Пять штук, одна меньше другой, дожидались нового хозяина, накрытые большим одеялом, сшитым из разноцветных лоскутков.

За печкой на кухне тоже было много удивительного: ровными рядами на полке лежали несколько кусков абсолютно почерневшего от времени хозяйственного мыла, в алюминиевой миске, стоящей рядом, хранились пять столовых ложек, десять вилок и две маленькие чайные ложки. А дальше на полке ждали своего часа несколько тарелок, кружек и две кастрюли.

Павел, оглядев свое хозяйство, усмехнулся.

– Да... Вот и живи, как хочешь!

Холодильника, понятное дело, здесь не было, поэтому он отправился искать погреб, решив, что в любом крестьянском хозяйстве всегда есть такое традиционное место хранения продуктов. Однако, обойдя все вокруг, он так и не обнаружил погреба. Зато нашел большую поленницу за домом, где хранились хорошо высушенные дрова на растопку печи.

Побродив по огромному двору, соседствующему с лесом, Павел проголодался. Вздыхнув, отрезал кусок привезенного с собой хлеба и так, всухомятку, сжевал его, сидя на крыльце. Глядя по сторонам, он долго молчал, все еще не веря, что решился на этот странный эксперимент. В какую-то минуту ему даже показалось, что все это снится, слишком уж нереальным представлялось то, что сейчас с ним происходит!

Павел не мог понять, как он, известный математик, поддался на уговоры друга и его жены. И сейчас, сидя на высоком крыльце старого дома, ругал себя последними словами:

– Придурок! Ввязался в авантюру! И как я мог им поддаться...

Однако когда время перевалило за полдень, мужчина сообразил, что, кроме него, здесь никто уборкой не займется, вздохнул, встал с крыльца и, засучив рукава, решительно принялся за дело. Перетащил в дом большое корыто, набрал в колодце воды, достал из-за печки большой кусок окаменевшего мыла, в чулане отыскал какую-то тряпку и приступил к уборке.

К вечеру первого дня Павел, впервые оказавшийся в таких экстремальных условиях, так устал и физически, и морально, что уснул прямо на широкой лавке, положив на нее тот самый тулуп, который отыскал в чулане.

И наступила новая жизнь. Другая. Совсем другая жизнь.

Продуктов, что Павел с собой привез, хватило на очень короткое время. Вскоре настал тот день, когда избежать поездки в село оказалось невозможно. Соль, сахар, хлеб и еще много крайне необходимых мелочей находилось там, в Васильевке, и выбора у Павла не оставалось: либо голодать, либо отправляться туда, в незнакомое село.

Идти не хотелось, заводить новые знакомства он не стремился, неизбежное внимание сельчан его раздражало. Павел смущался, нервничал, злился и проклинал и себя, и своего друга. Но в то же время понимал: чтобы нормально существовать здесь и дальше, надо сделать этот неприятный шаг.

Поэтому с утра пораньше в понедельник, следуя народному поверью, что в понедельник неделю легче начинать, Павел переоделся, приготовил сумку и, выйдя на крыльцо, задумался.

Займка находилась в двенадцати километрах от села, пешком не скоро дойдешь. На полпути, километрах в шести-семи от села, раскинулся лесхоз, огромное хозяйство, ведающее всем, что касалось леса. Разведение, рубка, охрана, воспроизводство, учет и переработка – всего и не перечешишь, чем занимались работники и лесничие. Жизнь в таком хозяйстве

круглосуточная, и даже зимой не прерывается, ведь лес – живой организм, ему и помощь, и поддержка нужны постоянно. На главной усадьбе лесхоза всегда было многолюдно, машины со всей области сновали туда-сюда, доставляя и забирая рабочих, поставщиков, заказчиков, учетчиков, лесничих.

Павел, после недолгих раздумий, решил дойти до лесхоза пешком, а там на попутной машине доехать до Васильевки. Но и эта задача оказалась для него слишком заковыристой: за высоким частоколом, окружающим территорию заимки, начинались сразу две дороги, которые расходились в разные стороны двумя неширокими просеками.

Прямо как в сказке: направо пойдешь – найдешь работу, налево пойдешь – найдешь любовь...

Павел озадаченно хмурился, пытаясь сообразить, откуда же они приехали в первый день. Старался сориентироваться на местности, долго осматривался, но, наконец, раздраженно вздохнув, достал телефон. Единственным человеком во всей округе, у кого он мог попросить помощи, оказался тот самый приветливый и дотошный Матвей.

Матвей узнал его не сразу, зато, когда сообразил, кто с ним говорит, отчего-то неподдельно обрадовался.

– Эй, отшельник, ты еще жив там? Надо же, целую неделю прожил в одиночестве! Я, грешным делом, думал, ты давно уже в городской квартире раны зализываешь. А ты молодец! Мужик!

Павел смущенно хмыкнул и, переждав пламенную речь своего нового приятеля, заговорил:

– Матвей, я в село собрался... а как выйти из леса, пока еще не понял. Подскажи, как выбраться с заимки? В какую сторону идти? Направо или налево?

– Эй, ты там не спеши! Не ходи, если сомневаешься. В наших лесах заблудиться – раз плюнуть!

– А что же делать? Помогай, приятель, я то я тут с голоду умру...

– Значит так, Пашка. Слушай внимательно. Выходи из калитки, поворачивай сразу направо и двигайся по протоптанной просеке, никуда не сворачивай. Там дорогу видно хорошо, даже машина проезжает. Километров через шесть увидишь перекресток, тоже поворачивай направо. Это путь прямо к лесхозу. Дойдешь, и жди меня там. Я в Васильевке сейчас разгрузюсь и в лесхоз приеду. Может, еще и раньше тебя поспею, ты ж ходок еще непривычный, быстро не дойдешь.

Павел двинулся в путь. Это было его первое путешествие в незнакомую страну. Первое прикосновение к тайнам леса. Первое настоящее погружение в мир природы, наполненный чистотой, любовью и гармонией.

Павел шел не торопясь, озираясь по сторонам, стараясь запомнить каждое дерево, звук, цветок. Вдруг осознал, что мир, в котором он очутился по воле случая, гораздо ярче и богаче, чем тот, где он жил до сих пор.

То там, то здесь что-то потрескивало, жужжали пчелы и шмели, упрямо щебетала какая-то птица, шелестела листва. Звуки сливались в общую мелодию летнего леса, наполненную благодатью и согласием. Несмотря на удушающий зной, здесь дышалось легко. Величественные дубы, высокие стройные сосны, красавицы ели и белоствольные березы создавали удивительную прохладу, защищая обитателей леса от жары.

Настроение сразу улучшилось, отчего-то хотелось смеяться, петь во все горло, читать стихи. Появилась удивительная легкость. Это вдруг возникшее единение с природой казалось Павлу невероятным и необъяснимым. Он остановился, подошел к большой сосне, обнял ее за ствол и прижался к нему лицом. Притихнув, долго стоял, вслушиваясь и всматриваясь, словно пытался что-то понять или объяснить самому себе...

Расстояние в шесть километров, которое поначалу казалось непреодолимым, он прошел легко. И уже приближаясь к перекрестку недалеко от лесхоза, вдруг с изумлением подумал о том, что здесь все по-другому. Все другое. И расстояние короче, и люди приветливее, и природа чище...

Матвей уже ждал его.

– Где застрял, приятель? Уж я хотел отправляться на поиски.

Павел смущенно пожал плечами.

– Знаешь, я впервые самостоятельно по лесу ходил.

– И что? Заблудился?

– Нет. Но удовольствие получил, какого давно не испытывал. Лес, оказывается, тоже может улыбаться, разговаривать и шептать...

– А как же, – Матвей одобрительно кивнул, – лес ведь живой. Как мы с тобой. Не каждый это понимает, а ты почувствовал. Значит, земля наша тебя принимает, не отталкивает, делится с тобой своими секретами. Погоди, поживешь здесь с годок, много чего поймешь из того, что вы городские не чувствуете.

Остаток пути проехали быстро. Васильевка, раскинувшаяся по берегам полноводной реки, поразила Павла не столько своими размерами, сколько рукотворной красотой и природной гармонией. Дома, большие и добротные, смотрели на мир чистенькими окошками в резных ставенках, которые, словно белоснежные кружева, ласково обнимали оконные проемы. Возле каждого дома низеньким заборчиком огораживались палисадники, где буйно цвели любимые сельчанами цветы. А еще возле домов стояли уютные лавочки, на которых жители, в основном женщины, любили посудачить по вечерам, посплетничать, обсудить новости...

Большой храм, многокупольный, со звонницей, располагался за рынком, который занял огромную площадь и куда, особенно в базарные дни, съезжались люди со всей округи.

Матвей, который, очевидно, решил взять негласное шефство над приезжим, понимал его состояние. Заметив на лице мужчины беспокойство, он засмеялся.

– Ладно, не дергайся. Я с тобой по рынку схожу, покажу, где что продается, помогу закупить продуктов. А уж в следующий раз ты сам приедешь. Надо же осваиваться.

Незнакомый светловолосый человек с русой бородой и большими серыми глазами вызвал неподдельный интерес у сельчан. Они останавливались, оглядывали его, заговаривали с Матвеем, спрашивали. Местных жителей взволновало, что приезжий поселился на заимке, что живет один, носит бороду, смотрит серьезно, знакомиться не спешит, говорит мало.

В тот его приезд в Васильевку он впервые и столкнулся с Люськой.

После полудня Люська с Настей пришли в магазин за красками, альбомами и карандашами для изостудии. Нагрузились так, что еле подняли тяжеленные пакеты. Спустились с ними с крыльца, и тут, Люська, зацепившись ногой за последнюю ступеньку, покачнулась и выронила огромный пакет. Пока они с Настей собирали рассыпавшиеся художественные принадлежности, к ним подошел Матвей в сопровождении незнакомца.

– Здравствуйте, растеряши!

– Здравствуй, Матвей, – отозвалась Настя.

Люська, обнаружив возле Матвея незнакомца, так и застыла, позабыв о карандашах и красках.

– О, какие люди, – она откинула со лба длинную рыжую челку и, прищурившись, рассмотрела Павла с ног до головы. – Что за гости у тебя?

– Не у меня, а у нас, – усмехнулся Матвей. – Это теперь тоже наш житель. С заимки. Знакомьтесь, бабоньки. Это Павел, отшельник наш.

Люська, сверкнув своей фирменной улыбкой, подошла ближе, протянула руку.

– А я – Людмила Борисовна, директор Дома культуры, слышали о таком?

– Нет, еще не пришлось, – Павел неловко пожал протянутую ладошку.

Люська подошла еще ближе, и, улыбнувшись, повела плечом.

– Вот это Настя. Наш местный доктор. Если заболите, то бегом к ней, а если заскучаете, то ко мне. В Доме культуры всегда весело, мы всем занятие найдем.

Павел, которому хотелось казаться серьезным и взрослым, вдруг не устоял и расплылся в широкой, какой-то детской счастливой улыбке.

– Спасибо. Я приду.

И эта случайная улыбка, непонятно откуда возникшая на его обычно хмуром лице, сделала свое дело. Сердце у Люськи екнуло, застучало, заколотилось...

Ведь все случайное приходит к нам неслучайно. И если люди встречаются, значит, это кому-нибудь нужно.

Глава 13

С того памятного дня прошел целый год. И опять на земле расцвел июнь, и опять солнце нежно целовало крыши домов, и на реке с утра до ночи звенел детский смех...

Вспоминая те дни, Люська лишь улыбалась, сама не понимая, как осмелилась дать шанс своей любви. Прошедший год, наполненный счастьем, пролетел мгновенно...

Уже месяц, как она знала, что под ее сердцем поселилось еще одно сердечко. Поначалу Люська, не веря своему долгожданному счастью, затаилась. Считала дни, глядела в календарь, прислушивалась к себе, а потом, решив не тянуть время, поехала в город к гинекологу. Пожилая усталая дама в больших роговых очках долго заполняла ее карту, что-то высматривала в компьютере, а потом, наконец, подняла на нее покрасневшие глаза.

– Слушаю вас. Что беспокоит?

Люська, вся вспотевшая от напряжения, слов не подбирала:

– Я беременна, – брякнула она.

– Это вопрос или утверждение? – усталая дама попыталась скрыть невольную улыбку.

– Да не знаю я, – Люська сглотнула ком в горле. – Это вы мне скажите.

– Понятно. Ну, давай... Раздевайся за ширмой.

После осмотра врач, вымыв руки, с любопытством оглядела пациентку.

– Красивая ты... и ребенок будет красивый.

– Значит, я не ошиблась? – Люська замерла от счастья.

– Не ошиблась, – засмеялась врач, – поздравляю! Будешь рожать, я надеюсь?

– А то, – Люська схватила кофту и, открыв дверь кабинета, подмигнула врачу. – Обязательно рожать!

Люська сразу побежала к Насте делиться радостью. И теперь каждую свободную минуту они с подругой обсуждали предстоящее событие. За этот месяц и мама ее, так долгождавшая внуков, смирилась с тем, что дочь родит без законного брака, и Настя перестала ее

пилить за ветреность и легкомыслие. Только Павел, главный виновник Люськиного счастья, еще не ведал о грядущем событии.

Сегодня Настя, с утра лепившая вареники с творогом, позвонила подруге.

– Проснулась? Ну, отлично. Двигай ко мне. Надеюсь, ты помнишь, что по субботам мы завтракаем у меня.

Люська появилась минут через тридцать, ласково чмокнула Настю в щеку.

– Представляешь, я даже не помнила, что сегодня суббота!

– Господи, о чем ты помнишь? – Анастасия грозно посмотрела на подругу. – Скоро матерью станешь, а в голове ветер! Садись за стол быстро, тебе питаться надо хорошо.

– Отстань, – Люська засмеялась. – Мама и так целыми днями кормит, а теперь еще и ты. Буду как корова толстая, в дверь не пролезу!

– А как, кстати, мама? – Настя подвинула к подруге сметану. – Не сильно страдает, что без мужа родишь? Все же мы в селе живем, здесь сплетниц да злых языков хватает. Обсудят, всех по косточкам разберут!

– А и пусть, – Люська озорно тряхнула длинной рыжей челкой. – Мне теперь на всех наплевать! Мама говорит, хорошо, что отец не дожил до этого дня. Он бы не смог людям в глаза смотреть. Хоть и живем в двадцать первом веке, а наши деревенские устои нерушимы.

– Не переживай, – вздохнула Настя. – Есть, конечно, такие занозы, которые в спину гадость скажут, но в общем-то у нас люди добрые, современные.

– Да пусть что хотят говорят, – усмехнулась Люська, пережевывая вареник. – У меня теперь есть все, о чем я мечтала: работа, ребенок...

– А муж? Семья не входит в твои планы? – Настя недовольно поджала губы. – Ты сказала Павлу о ребенке? Чего тянешь?

Подруга, не отвечая, водила ложкой по тарелке.

– Отстань, а? Скажу потом, – умоляюще глянула на нее Люська.

– Почему потом? – Настя нервно заходила по комнате. – Чего боишься? Что он откажется? Но ведь он любит тебя...

– Да что ты пристала? – Люська бросила ложку на стол. – Ну, любит, конечно...

– Вот! Так и скажи ему. Пусть знает, – Настя подошла и присела рядом. – Мне кажется или ты действительно что-то от меня скрываешь?

– Ничего не скрываю, – Люська опустила голову. – Просто боюсь обмануться в человеке. Понимаешь? Для меня он сейчас лучший. Нежный, любимый, заботливый, умный... А если не захочет ребенка, значит, все это обман! Игра слов!

– Господи, – Настя ласково обняла Люську за плечи и притянула к себе. – Дуреха! Если его любишь, значит, надо верить. Какая любовь без доверия. Иди расскажи. Вот прямо сейчас вставай и отправляйся к нему.

– Прямо сейчас? – бледнея, прошептала Люська.

– Конечно. Хочешь, с тобой поеду?

– Нет, – подруга решительно встала из-за стола, поправила рыжие волосы и взмахнула рукой, словно разрубила невидимый глазу узел. – Сама поеду. Сейчас поеду и расскажу. Будет что будет.

Минут через двадцать она уже ехала на машине, отправляющейся в лесхоз. Глядя на мелькающие за окном поля, перелески и овраги, Люська вдруг вспомнила самое начало...

Год назад, впервые увидев Павла, Люська онемела. Высокий, широкоплечий, русоволосый, с большой светлой бородой, мужчина показался ей настоящим былинным богатырем. А когда разглядела его глаза, полные то ли тоски, то ли невысказанной печали, сердце ее покатилося в пятки. С той самой минуты покой покинул ее навсегда, и во всех снах она стала видеть этого загадочного человека.

В селе к его появлению отнеслись по-разному. Поначалу люди болтали всякое: кто-то утверждал, что он сбежал от жены, другие считали, что он прячется в лесу от кредиторов, третьи шептались, что у него тяжелая болезнь, и он приехал умирать.

С легкой руки Матвея многие стали называли Павла отшельником, другие именовали чужаком, горожанином или затворником. Однако со временем сельчане стали замечать, что у Павла приветливая улыбка и добрый нрав, что он готов всегда всем помочь и никогда не злословит, что особенно поразило васильевских женщин. Женской половине села еще очень нравилось, что городской гость не пьет, не участвует в склоках, не ходит по бабам и, главное, не спаивает их мужей.

Постепенно село повернулось к приезжему лицом, люди стали здороваться с ним, дети, прознав, что он ученый, спрашивали совета, учителя иногда приглашали в школу на олимпиады по математике. Незамужние дамы стали рассматривать Павла как предмет любовного обожания, некоторые разведенные женщины уже строили ему глазки и делали прозрачные намеки на возможность романтических отношений.

Однако отшельник вел себя спокойно, достойно, никого особенно не выделял и старался оправдать доверие местных жителей. Дружил по-прежнему только с Матвеем, но и от остальных нос не воротил. В общем, жизнь Павла постепенно наладилась.

Люська, сраженная наповал в первую же встречу, не видела приезжего месяца два после нечаянного столкновения на рынке. Но это обстоятельство никак дела не меняло – видеть-то не видела, но вспоминала часто. Она пыталась представить, кто он, чем занимается, что любит. Но особенный интерес, переходящий в непобедимое любопытство, пробудился у нее после того, как однажды Настя невзначай поведала, что отшельник, оказывается, большой ученый, известный по всем мире математик.

– Да ты что? Точно? Ты уверена? – Люська даже вскочила со стула.

– А ты чего это так встрепелась? Тебе-то что?

Люська, тряхнув рыжей челкой, резко схватила ее за руки.

– Рассказывай! Ну? Что ты знаешь?

Анастасия, отличающаяся редким упрямством и дерзким характером, отвела ее руки в сторону и скептически хмыкнула.

– Так... Ты мне зубы не заговаривай. Признавайся, тебе почему это интересно?

– У нас в Доме культуры аврал, – решила немножко схитрить Люська. – Преподаватель по искусству слег в больницу, и неизвестно сколько пролежит, а дети остались без занятий. Слоняются без дела, приходят в Дом культуры и сидят в игровой комнате, домой-то идти не хочется. Вот...

– Что ты несешь? – Анастасия, слушая ее невразумительный лепет, нахмурилась. – При чем здесь преподаватель по искусству?

– Боже, какая ты тупица, Настя! Ты что, не видишь связи?

– Нет, – отрезала подруга и погрозила ей пальцем. – Давай выкладывай!

– Ну, если этот приезжий действительно математик, значит, он может вести у нас в Доме культуры кружок юного математика!

– Это ты сейчас придумала? Да? – недоверчиво хмыкнула Настя. – Вот сию минуту, точно? Я тебя, хитрую лису, сразу раскусила!

– Да какая разница? Сейчас, вчера или только что... Главное, это хорошая идея, ты согласна?

– Не знаю. Может быть, – Настя пожала плечами.

– Подожди, подожди, – Люська подозрительно зыркнула на нее. – А ты откуда знаешь, что он математик?

– Тут все просто. Я ехала в город за препаратами, а он, увидев нашу медицинскую машину, подошел, сто раз извинился, попросил привезти из города несколько книг. Сказал, что математик, и пишет новую работу.

И тогда Люська, дав волю воображению, окунулась в нахлынувшие эмоции и решила...

Через два дня она, приодевшись, договорилась со знакомым водителем, доехала с ним прямо до заимки и, глубоко вздохнув для смелости, постучала в калитку. Никто не откликнулся.

Потоптавшись возле высокого забора, она попыталась поглядеть в узенькую щель, зияющую между крепкими высокими досками. Но обзор оказался неудачным – ничего, кроме небольшого участка сразу за калиткой, не открывалось любопытному взору.

Недовольно поджав губы, гостя забарабанила в калитку еще раз. Тишина была ей ответом. Тогда она осторожно приоткрыла калитку, чуть-чуть ее сдвинула в сторону и опасливо заглянула во двор.

На огромном участке за забором никого не оказалось. Скошенная трава сохла под навесом, протоптанные тропинки, аккуратно посыпанные песком, разбредались в разные стороны двора. Возле сарая гордо вышагивали вороны, с любопытством поглядывая на непрошеную гостью.

Люська нерешительно переминалась с ноги на ногу, не зная, что предпринять, а потом, устав топтаться на одном месте, решительно проскользнула во двор и прикрыла за собой обиженно скрипнувшую калитку. Недолго думая, быстро прошла по песчаной дорожке до дома, взошла на крыльцо и, чувствуя, как колотится сердце, постучала в тяжелую дверь, оббитую по краям коваными уголками и декоративными металлическими гвоздями, сделанными, скорее всего, в местной кузнице лет сто пятьдесят назад. Прислушалась...

Безмолвие царствовало там, за крепкой дубовой дверью. Люська, надеясь хоть что-то услышать, приложила ухом к потемневшему от времени дереву, но все ее старания оказались напрасны – ничего не слышалось за этими старыми бревенчатыми стенами.

Расстроено вздохнув, Люська присела на высокое крыльцо. В голове бродили десятки не очень позитивных мыслей. Она ругала себя и за то, что приехала сюда, и за то, что поддалась эмоциям, и за то, что не предупредила Настю о своей поездке. Мысли носились в голове, одна опережая другую. Чего только она ни передумала, сидя на чужом высоком крыльце...

Время шло. Становилось все жарче. Очень хотелось пить. Люська, привалившись спиной к высокому столбцу, венчающему крыльцо, вдруг задремала.

Сколько она спала, девушка не знала, но проснулась от странного ощущения. Открыв глаза, вдруг увидела, что возле нее стоит мужчина и, изумленно округлив глаза, вопросительно смотрит на нее. Мгновенно придя в себя, Люська смущенно вскочила на ноги, и, лихорадочно оправляя платье, поспешила внести ясность.

– Здравствуйте. Простите, что я вошла. Но никто не отвечал, я стучала. Стучала много раз. Извините, что без приглашения и что уснула... Стало жарко, видно, разморило.

Она еще долго бормотала что-то несвязное и бестолковое, но мужчина, очевидно, пораженный ее внезапным появлением и растерянный не меньше девушки, все смотрел и смотрел на нее молча.

Потом, устав от безудержного словесного потока, он, пожав плечами, спросил:

– Простите, а вы кто?

Люська, замолчав на полуслове, обескураженно глянула на него. Ей-то казалось, что если она его запомнила, то и он должен обязательно ее помнить. Но теперь, услышав этот вопрос, она поняла, как глубоко ошибалась. Он ее не то что не узнал, он ее совсем не помнил! Это так поразило впечатлительную Люську, что она чуть не заплакала от досады.

Собравшись с мыслями, девушка обиженно нахмурилась и, проглотив свое разочарование, вежливо представилась:

– Людмила Борисовна, директор местного Дома культуры.

Он, широко распахнув удивленные глаза, улыбнулся.

– Ого! Важные гости у меня. Чем обязан вашему визиту? Зачем я понадобился директору Дома культуры?

Люська сердито тряхнула рыжей челкой и не смогла сдержать рвущееся наружу раздражение.

– Может, хоть воды предложите человеку, приехавшему в такую даль?

– Да, простите, – смутился Павел. – Конечно, проходите.

В огромном старом доме их встретила благодатная прохлада. Дом лесника удивил гостей чистотой и, как ни странно, уютом. Мебель прадедовская, но хорошо сохранившаяся, вымытая и вычищенная новым хозяином, стояла у стен, радуя глаз работой старых мастеров.

Посреди большой горницы расположился круглый стол. Столешница его, выскобленная добела, высветленная и покрытая, очевидно, каким-то составом, отдавала ровным матовым блеском. Вокруг стола стояли массивные, тяжелые стулья ручной работы, больше похожие на кресла, с подлокотниками и высокими спинками.

С потолка свисали большие лампы в когда-то модных тканевых абажурах с бахромой. Огромный старинный буфет с резными витражами, стоящий у стены напротив входной двери, поражал не столько своими размерами, сколько удивительным мастерством старых резчиков по дереву.

Люська, войдя в дом, замерла от восторга.

– Как здесь здорово! Словно вернулась на триста лет назад...

– Ну, это вы лишку хватили. Но на сто пятьдесят – сто семьдесят лет – точно. Проходите. Присаживайтесь. Выбирайте любой стул, они все крепкие и надежные, я проверил.

Он прошел на кухню, включил новую, недавно купленную, плиту и поставил чайник.

– Сейчас буду вас чаем угощать.

Люська, заглянув на кухню, покачала головой.

– А я думала, вы на печке готовите.

– Можно и на печке, – кивнул Павел. – Но сейчас лето, жарко, топить не хочется. Вот недавно плиту мы с Матвеем купили. А зимой буду печку топить обязательно. Сам не дожусь этого момента, очень люблю посидеть у печки, поглядеть на огонь, послушать, как трещат дрова...

– А вы до зимы-то тут останетесь? – недоверчиво поинтересовалась Люська.

– Еще месяц назад, честно говоря, сомневался. А теперь... Теперь думаю, останусь обязательно. Нравится мне тут. Хотя все поначалу пугало: и люди, и лес, и одиночество... А теперь понял, что это как раз то, что мне сейчас нужно.

Слово за слово, они разговорились. Долго сидели за круглым столом, пили чай с вареньем, которое жена Матвея послала гостю в подарок. Люська, хохоча, рассказывала о своей работе, о детях, о жителях Васильевки. О том, как приехала, как стучала, как уснула...

Павел, слушая ее, улыбался. Он вдруг поймал себя на том, что ему удивительно хорошо и комфортно с этой почти незнакомой молодой женщиной с пышной рыжей шевелюрой, тонкими пальцами и глубокими глазами.

День пролетел. И этот долгий летний день, подаривший им друг друга, они оба запомнили навсегда.

Когда стало вечереть, Люська засобиравшись домой. Павел, конечно, вызвался ее провожать. Смеясь, он тоже рассказывал ей, как в первый день запутался в дорогах, не зная, в какую сторону идти. Как боялся диких зверей и сердитых сельчан. Как страшился новых знакомств и страдал без большого города и его удобств.

Шесть километров они прошли легко и весело. Усаживая Люську в попутную машину, Павел легко коснулся ее руки и вдруг почувствовал, как в висках застучало...

Сдерживая себя, он лишь кивнул ей.

– Увидимся. Приезжай в гости.

Она, уловив яркую вспышку в его глазах, радостно улыбнулась.

– Не забудь про кружок. Подумай. Я позвоню...

С того дня все переменялось для них двоих. Она приезжала часто, сначала тайком от матери и подруги, потом перестала таиться. На людях они не афишировали свои отношения, но в селе ничего не утаишь. И пошли шептаться кумушки, перемывать косточки. Стали болтать досужие сплетницы и бабки на завалинках. Посыпались в спины им осуждающие взгляды, любопытные взоры и косые ухмылки...

Да ведь любовь ничего не боится.

И Люська, уже хлебнувшая горя и разочарований, теперь шла напролом. Не оглядываясь, не прислушиваясь, не сгибаясь. Наперекор всему, вопреки досужим разговорам, поперек сложившегося мнения...

Она трепетала и таяла, взглянув в печальные глаза Павла. Стоило ему обнять ее, прикоснуться губами к щеке, тронуть рыжие волосы, провести рукой по шее, она все забывала. И летела в пучину своей страсти, отдаваясь неге и блаженству, совершенно ни о чем не жалея и уже ничего не страшась.

Любовь – странная штука. Она и очищает, и закаляет, и одаривает. И Павел, этот сказочный богатырь, обнимая ее, становился теплее солнечного луча, нежнее первого ростка, ласковее ребенка. И ничего на целом свете не нужно было Люське в такие мгновения.

Она уже знала, что счастье мимолетно, поэтому так берегла их страстные ночи от других людей, так охраняла их жаркие объятия от завистливых взглядов, так закрывала душу от дурного слова. И ничто уже не могло ее остановить, удержать, отговорить или разубедить. И никто не мог помешать.

Глава 14

Июнь перевалил за середину. Ночи, теплые, как парное молоко, ласково обнимали город и, слегка подсинив сумерки, бросали на темное небо россыпь сверкающих звезд... Воздух, прогретый за день, медленно отдавал накопленный солнечный жар и только к рассвету чуть набирал прохладу, разбухал и проливался на заре холодной росой...

Июньские ночи коротки, светлы и неповторимы...

Анне, погруженной в заботы своего агентства, любоваться красотой природы было некогда. Подходило время выплаты очень большого кредитного долга, но очередной заказ, под который они взяли этот огромный кредит, не успевал к обещанному сроку. Придирчивому заказчику все не нравилось, он нервничал, капризничал, горячился. Ни на какие компромиссы не соглашался, и деньги, естественно, не перечислял.

Анна, посоветовавшись с главным бухгалтером и экономистом, решила перенаправить денежные потоки и отдать часть денег, отложенных на развитие, в счет погашения кредита. Она надеялась, что заказчик, задолжавший им крупную сумму, все же выполнит свое обещание, и они смогут выкрутиться.

Но тут случилось непредвиденное. Не зря говорят, что беда сваливается оттуда, откуда ее не ждешь...

Часов в одиннадцать в ее кабинет вошел хмурый финансовый директор. Следом за ним вдруг появился какой-то растрепанный Мирон.

– Так... Картина маслом, – удивленно хмыкнула Анна. – Но, по-моему, я вас не вызывала. Что за экстренный сбор?

Мирон, обычно веселый, одетый с иголочки и очень говорливый, сейчас выглядел как ошипанный воробей. Он теребил ручку, поправлял съехавший в сторону галстук и нервно покашливал. Анна, почуяв неладное, отложила папку с документами в сторону.

– Ну? Вы чего? Долго молчать собираетесь?

– У нас проблемы, – Мирон хлебнул воды из высокого стакана.

– У нас? Какие еще проблемы? – Анна сердито встала из-за стола. – И почему, спрашиваю, я о наших проблемах ничего не знаю?

– Да мы и сами, честно говоря, не знали, – финансовый директор развел руками. – Зато теперь места себе не находим.

– Что? Все так серьезно? Ну?

Экономист, бледнея от волнения, пояснил, что вечно недовольный заказчик внезапно отозвал заказ, за который они столько бились с конкурентами. Без всякого предупреждения и предварительного уведомления он решил передать весь пакет фирме, с которой Анна не раз сталкивалась на тендерах. Кусая губы, экономист то открывал папку с документами, то закрывал ее, то брал карандаш в руки, то откладывал его. Анна, глядя на него, хлопнула ладонью по столу.

– Прекратите вы трястись! А как мы об этом узнали?

– Довольно странно, – промямлил Мирон. – Заказчик поставил нас в известность официальным почтовым отправлением, решив, очевидно, избежать личных объяснений.

Анна, покраснев от гнева, резко отодвинула стул, который с грохотом упал на пол.

– Я не понимаю, как это отказался? Это что – игрушки? Захотел – согласился, не захотел – отказался? Что за бред? Вы уверены? Это проверенная информация?

– Более чем проверенная, – Мирон вытер вспотевший лоб. – Я уже звонил туда. Дело темное. Генерального директора нет, когда будет – неизвестно, а его заместитель подтвердил, что акционеры приняли такое решение коллегиально, и оно обсуждению не подлежит.

У Анны перед глазами все поплыло. Оторопев от этой новости, ударившей ее словно обухом по голове, она даже растерялась.

– И что? Что теперь?

– Ну, что, – финансист схватился за сердце. – Понятно, что денег он нам уже не даст. А если заказ отдали другой компании, то и деньги туда уже ушли или уйдут в ближайшее время. Это во-первых. Будет вам и во-вторых: огромный кредит, взятый под этот несбывшийся заказ, выплачивать нам сейчас нечем. Кроме того, наступило время выплаты аренды, страховых обязательств, зарплат и других многочисленных мелочей.

– Как же так? Как это отказался? Почему? Он же не один раз приезжал сюда, улыбался, обещал...

– Обещать не значит жениться, – Мирон саркастически усмехнулся.

– Что ты несешь, – Анна схватила за голову. – Но должны же быть причины...

– Конечно, – кивнул финансовый директор. – Причина в нашей доверчивости и порядочности и, наверное, в некотором разгильдяйстве. Мы ведь подписали предварительный договор, а конечный его вариант, имеющий финансовую и законную силу, так и не оформили. Вы вспомните. Он же все оттягивал, обещал, гарантировал... Потом болел, помните? Потом уехал в Европу, а право подписи есть только у него. Продолжать? – Он вытер вспотевший лоб. – Мы ждали-ждали, а он нас уверял, что все под контролем, что не сегодня-завтра отдаст нам проклятый договор. Мы еще сомневались, помните? Кредит боялись брать. А ведь все-таки поверили, попались на эту удочку. Этот болван просто задурил нам голову, говорил, чтобы мы начинали работать, что про все договоренности он помнит.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.